

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDZENie

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-200

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 70—71

МАЙ—ИЮНЬ 1936 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: М. Н. Памяти Вильяма Годвина (1756—1836), — ПЕТР-САША. На смерть Алексея Борового (Стихотворение). — А—М. Что такое анархизм?, — ЕГО-ЖЕ. Вильям Годвин. — Л. ЛИПОТКИН. Анархизм и синдикализм. — Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД. Экономический кризис. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Потребность в идеале. — МИНСКИЙ МУЖИК. Как управляется Советская Россия?. — А С. Власть и могущество. — А-М. Прудон.—Отчет Районной Конференции делотрудовцев и пробужденцев. — Стихи, мелкие заметки, сообщения. ..

ПАМЯТИ ВИЛЬЯМА ГОДВИНА

(1756—1836)

Товарищам из «Пробуждения» пришла в голову удачная мысль — отметить столетие, со дня смерти Вильяма Годвина (1756—1836). Однако, пишущий эти строки мало подготовлен для такой задачи — отметить эту дату, либо путем подробного разбора его либертарных произведений, либо в форме нового, самостоятельного исследования источников его идей, а также пределов и характера его влияния на столь многих его современников и на позднейших радикалов и социалистов.

Чтобы выполнить все это, даже имея в своем распоряжении исключительно печатный текст, мне необходимо было бы освежить свою память. Потребовалась бы работа в Британском Музее, по крайней мере, в течение месяца, после чего прело мною встал бы, вероятно, целый ряд но-

вых проблем, в свою очередь требующих нового исследования и т. д.

Изучением долгой жизни Годвина, хотя и не пренебрегали, но этим делом никогда не занимались люди, вполне понимавшие все значение его книги «Политическая справедливость» и глубоко заинтересованные в том, чтобы изобразить происхождение и влияние этого труда. Кроме того, для многочисленных исследователей Шелли Годвин был, вполне естественно, противником *corpus vile*, человеком, в котором они заранее видели все худшее.

В действительности, жизнь Годвина представляет собою трагедию острого и сильного ума, автора бессмертной книги 1793 года, по стравшего после ее выхода и вплоть до 1836 года на медленном огне непростительной жестокости и низости при-

вигегированного и правящего класса, — «Анти - якобинцев» и их последователей и помешников.

Годвин, который не был расположен к роли героического бойца, предпочитающего умереть смертью Самсона, противостоял этим постоянным натискам, насколько был в силах. Они не согнули и не сломали его, но заставили его ступаться, скрыть свой талант и вести такую жизнь до 80-летнего возраста. Лишь после того, как жизнь Годвина будет полностью изучена, можно будет с точностью уяснить себе степень его слабости, эгоизма и, с другой стороны, постоянства, упрямства и моральной стойкости его характера. Думаю, все его враги знали, что он никогда не отречется от своих убеждений, никогда не сложит оружия, и что за это они ненавидели и боялись его. Однако, я не в состоянии погрузиться в эту проблему путем самостоятельных изысканий.

«Исследование о политической справедливости в ее влиянии на всеобщую добродетель и счастье» (Лондон, 1793, — было издано в двух томах in-4°, XII, 895 стр.) в феврале 1793 года. Хотя и названное под влиянием взятия Бастилии в июле 1789 года, это сочинение было закончено в 1792 году, еще до того, как французская революция превратилась сначала в острую борьбу партий, в новое правительство, управлявшее через комитеты, а затем — в смену диктатур и кончилась империей Наполеона Бонапарта. Таким образом, Годвин, работая над своей книгой, все еще был под впечатлением, как он сам говорит, почти единодушия, с каким были встречены революции в Америке (1776) и во Франции, в отличие от революции в Англии в 17-веке, которая застала население расколовшимся на сторонников и врагов королевской власти.

Годвин объясняет это тем фактом, что в 18 столетии философия уже успела развить некоторые из великих истин политической науки, и что, под влиянием Адамс-Сидней и Локка, Монтескье и Руссо, много сильных умов поняли, каким

злом является сила (насилие).

Он сомневался в целесообразности таких методов спора, которые могут применяться обеими спорящими сторонами с одинаковыми шансами успеха, ибо такие методы не могут быть обоснованы, и каждая сторона может насильно навязать свое решение в результате случайности, в зависимости от превратностей войны. В этом смысле Годвин осуждал насилие, как фактор эволюции, и признавал только доказательства, силу разума, — силу, которая неуязвима и которая действует спокойно, постоянно и неодолимо.

Возрождение человечества по Годвину требует постоянного, ежедневного прогресса в деле открытия и распространения истины. Годы могут пройти прежде, чем истина начнет осуществляться. Но это не означает оправдания квиетизма (успокоенности на достигнутом. Прим. переводчика). Массовая революция может предшествовать спокойному, постоянному прогрессу разума. Великие перемены иногда происходят внезапно, а великие открытия делаются неожиданно и как бы случайно. Революционные положения подобно всеобщему огарению людей, которые вдруг постигают свое действительное положение, и тогда ограничения, которыми они были опутаны до того момента, исчезают, как призрак. При таком кризисе не приходится наносить удар, ибо противники слишком редки и слишком слабы, чтобы помешать о серьезном сопротивлении всеобщему настроению человечества.

Таковы некоторые ближайшие выводы, сделанные острым мыслителем, имевшим перед собой три великих примера: британскую гражданскую войну, американскую войну за независимость, французскую революцию 1789—1792 г.г. Он был очень хорошо осведомлен, благодаря продолжительному изучению, о всем ходе религиозной, философской, моральной, политической, социальной и всякой борьбы, начиная с 13-го века, и о значительном усилении борьбы в 18-ом веке во Франции, Нидерландах, Англии и Шотландии — в странах, которые были главным предме-

том его наблюдения. В 1792—93 г. г. его умственному взору представлялась четвертая революционная возможность — Британская революция, которая на деле не произошла, но которая носилась в воздухе, когда он писал. Во имя этой революции он излагал свои взгляды так подробно. Он понимал опасности, угрожающие всякой революции со стороны ее врагов, как и со стороны ее неблагоприятных друзей, лишь помогающих, по неразумению своему, врагам. Книга Годвина — один страстный крик, предостерегающий Французскую, возможную Британскую и все другие грядущие революции. Это делает книгу Годвина живою книгою и для всех нас, ибо все мы, более или менее, являемся жертвами ошибок, от которых он столь дружески и красноречиво предостерегает нас.

Годвин в своих писаниях шел в урочень со своим временем. Перед его взором было большое разнообразие старых режимов и новых систем: гнилая феодальная абсолютная монархия во Франции, конституционная аристократическая монархия в Англии, консервативные республики в Венеции и Швейцарии и крикливая, развивавшаяся рабовладельческая новая республика Соединенных Штатов. Сам Годвин писал в стране, где политическая критика была почти свободна, во времена Джона Уилкса, Юнуса, Томаса Пэна, Прайса, Пристлея, Картрайта и столь многих других. Он ознакомился с резкой антирелигиозной критикой в столь многих французских и английских изданиях и в нарождавшейся социалистической литературе, возвышавшейся над уровнем утопических картин и реалистически подходившей к жизни. Перед ним уже возникала проблема фабрики, и Роберт Оуэн не был ему незнаком.

Но сошлемся лучше на его собственное свидетельство от 7-го января 1793 г. (предисловие), где он сообщает, что приблизительно в 1781 г. он из чтения политических произведений Джона Свифта и историков древнего Рима вынес убеждение, что монархия является самой раз-

вращенной формой правления. Приблизительно в то же время, он прочел «Систему природы» Гольбаха (1770) и произведение Руссо и Гельвеция. Он, таким образом, усвоил часть их идей, но не пришел еще к мысли о желательности такого правительства, которое было бы в высочайшей степени простым (косвенный намек на полное исчезновение правительства, т. е. на анархию), — вплоть до Французской Революции (1789), которая побудила его написать книгу. И только в процессе работы над нею он понял все значение мысли о том, что всякое правительство неизбежно противодействует нашему совершенствованию. Мы видим, таким образом, если можно так выразиться, как анархические выводы созревают на наших глазах в творчестве осторожного мыслителя. Из подавляющей массы фактического материала, свидетельствующего о злодеяниях и вредном влиянии правительства, Годвин вынужден был сделать вывод, осуждающий управление человека человеком, в то время, как столь многие другие, имевшие перед собою тот же самый фактический материал, доказывали до сих пор еще доказывают, что это зло можно как-то исправить путем улучшения сущности управления.

Обыкновенно, такие люди желали сами управлять в случае, если бы им удалось стать преемниками старых правителей. Шаг вперед, смело сделанный в этом отношении Годвином, можно сравнить с прогрессом от колдуна, знахаря, претящего на умение излечивать болезни путем заговора и заклинания или другими обманными приемами, к современному врачу, понимающему, что разложившаяся часть тела должна быть удалена, иначе весь организм будет отравлен. Современная политическая наука, включая марксизм, все еще развивается по линии знахарства: Годвин и Прудон, Бакунин и Бакун, Штирнер и Толстой, провозглашали ту очевидную истину, что общественный организм должен быть освобожден от паразитического развития государства и

всех, кто наживается с помощью государства.

Надо запомнить, что Годвин был хорошо осведомлен о критике частной собственности у целого ряда писателей от Платона до аббата де-Мабли, но он знал также и о несовершенствах их искусственных авторитарных систем. Он пришел к выводу, что ценность их критики доказана тем фактом, что она оставила заметные следы, вопреки несовершенству их систем. Он ссылается на Спарту (Ликург), Перу (инки), Парагвай (иезуитские миссии). Он цитирует иногда книгу Роберта Уоллеса «Различные виды человечества, природы и провидения» (1761), — замечательную книгу раннего социалистического периода, а также «Опыт о праве собственности на землю», опубликованный лет двенадцать тому назад одним шотландцем и которая, может быть, представляет собою книгу Вильяма Огильви из Питтенсира (1782), переизданную в Лондоне в 1891 году под заголовком «Право наследования земли», если я не ошибаюсь. В сущности, самый полный свободный коммунизм был его высшей целью, как наиболее приличествующий свободному человеку. Однако, не сосредоточившись и не специализировавшись на отрицающей государство революции, он не специализировался и на отрицающей собственность революции. Его целью и методом был самый полный и всеобщий прогресс во всем, убеждающий, ободряющий и увлекающий наименее развитых. Все остальное означало для него лишь гражданскую войну, где военная добыча доставалась бы победителю, закреплялась бы и упрочивалась бы за ним при помощи диктатуры, либо революционной, либо реакционной.

С точки зрения Годвина это не означало ни умеренности, ни капитуляции. Что было перед ним — и что стоит перед нашими глазами сейчас, если мы хорошенько задумаемся в этот вопрос? Себялюбивые партии, стремящиеся к диктатуре во имя своего преобладания или тотальной власти. Неудовлетворенные массы, ропшущие, но послушные до тех пор, пока

чувствуют надзор над собой, готовые все сокрушить, если это можно сделать безопасно, вместе с толпой, или путем вспышек всеобщего негодования. А после этого начинается раскол в комитетах, где превосходят старые организаторы или новые начальники, которых, в конце концов, тоже одурачивают или осиливают новые диктаторы.

Прогрессивные элементы, натолкнувшись на старых и новых властителей, очень скоро оказываются обезсиленными, дезорганизованными, попадают в тюрьмы, подобно Годвину, Кондорсе и другим в описываемые времена, а спустя 50 лет, Прудон и Бакунин и, наконец, на наших глазах — Кропоткин и Малатеста, каких-нибудь 15 лет тому назад. Годвин не полагался на бакунинскую идею разжигания дурных страстей и на кропоткинские надежды на «стихийность» (чему противоречит как его так и Бакунина вступление в Альянс). Не была ему свойственна и вера Малатесты в безконечное ангельское терпение (сопровожаемое прямым революционным действием). Никто из них и, смею думать, никто из нас не верил и не полагался на эти идеи, но считалось практичным, или вернее, ободряющим провозглашать подобные взгляды. Что же касается Годвина, то он, не принадлежа ни к какому движению и ни к какой организации, высказывал свое мнение полностью, как делал это и Штирнер полстолетия спустя. Вот почему их книги так привлекательны для тех, кто желает пить из источника подлинной либертарной мысли.

«Политическая справедливость» Годвина (этот заголовок может быть истолкован, как честность в общественной жизни к ее влиянию на нравственность и счастье человечества) была настоящим путеводителем от кровавых диктатур прошлого (и, увы, нашего времени) к жизни человека в свободном обществе. Подобно тому, как богатство, постоянно увеличиваясь, достигло размеров, породивших смертоносный капитализм, — подобно этому и власть, постоянно усиливаясь, становясь властью над людьми и землей, привела к созданию

гигантского современного государства, опирающегося на законы и вооруженные силы (армия и полиция) и владеющего землей (национальные и колониальные территории). Это накопление зла должно быть устранено: и первое зло, и второе должны быть уничтожены, ибо если одно из них будет уничтожено, а другое не будет, то сохранившееся зло укреплится. Государственный социализм и социалистическое государство друг друга стоят. Все это Годвин видел и убедительно разъяснял, а целый век марксистских объяснений лишь затеял в умах людей это понимание, ясное до прозрачности.

Путь к уменьшению этих двух зол, собственности и государства, которые при содействии своего отражения в абстрактной мысли, религии, наложили свои лапы на психику богатых и сильных и на сознание их жертв, бедных и беспомощных, — путь, предложенный Годвиным, подобен постепенному уменьшению ненормальной спухолы, когда не хотят применения более быстрых методов лечения.

Человек не заинтересован в существовании безпредельной государственной мощи и огромного накопления богатств, охранять которые можно лишь с помощью силы.

Его область в повседневной жизни является свободная коммуна, автономный округ, а на этом автономном базисе он налаживает свои сношения с другими народами повсюду, как это всегда делалось в дружественных социальных отношениях. Это отвечает идеалу всякого истинного анархиста, — я хочу сказать, идеалу анархистов, свободных от сектанства и не имеющих никаких специальных планов и никаких скрытых помышлений о тотальном режиме.

Товары, сырые материалы и продукты могли бы перевозиться из одной части земного шара в другую по соглашению, как и в настоящее время, не нуждаясь в создании бюрократических организмов (синдикального государства) и т. п. для этих общественных сделок, которые процветали уже в доисторические века и лишь

впоследствии подорваны были хищнической таможенной политикой государства.

Итак, не только анархизм и не только какая-нибудь форма социализма, были показаны миру в замечательной книге Годвина, в 1793, — здесь показаны пути, к нему ведущие, каковыми необходимо и логически являлись пути социалистические и анархические, а в качестве препятствий, которые необходимо было устранить, названы были собственность и государство.

«Политическая справедливость» явилась большим интеллектуальным усилием и подлинным продуктом английской и французской гуманистической мысли второй половины 18-го века, английской радикальной политической критики, общей социальной критики периода приблизительно 1790-х годов и годов бурной, почти революционной жизни в Англии, Америке и Франции между 1780 и 1792 г.г., когда французская королевская власть была свергнута, а британские революционные общества готовились к подобному же образу действия в их собственной стране.

Выступление Годвина не было единственным, хотя те, кого я сейчас назову, и не находились с ним в связи. Я имею здесь в виду «Набросок исторической картины прогресса человеческого ума», последний труд изгнанного жирондиста, знаменитого Кондорсе, который, преследуемый и арестованный, отравился. Он стремился к «фактическому равенству и к всемирному свободному обществу свободных людей», где тираны и рабы, попы и их глупые или лицемерные орудия будут существовать лишь на страницах истории и на подмостках театра. А молодой Вильгельм фон Гумбольдт (брат Александра; умер в 1835 г.) написал весной 1792 года, — также под влиянием впечатлений парижской революции — свою рукопись, "Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen" («Мысли о попытке определить пределы деятельности государства»), из которой Шиллер напечатал отрывок в своем обзоре «тазия» (полное издание, Бреслау, 1851; «Круг деятельности и обязанности

правительства», Лондон 1854; два французских перевода сделаны были в шестидесятых годах, и т. д.). В. фон-Гумбольдт, подобно Годвину, испытывал желание предостеречь французскую революцию против ее рокового авторитарного пути.

Кондорсе, вероятно, думал так же, по умы почти всех французских революционеров обращены были назад, к авторитарному прошлому — к новому Ликургу, новому Гракху, новому Спартаку, — и неизбежно, логически, это привело к новому Ю. Цезарю, Бонапарту. Годвин, Кондорсе, Вильгельм фон-Гумбольдт принадлежали к числу очень немногих, смотревших вперед от государства к свободному обществу.

Годвин послал свою книгу французскому Национальному Собранию, но этот экземпляр, повидимому, не нашел себе большого спроса, ибо Георг Фостер, германский натуралист и экономист, друг братьев Гумбольдт, подобрал его там и сделал из него обширные выписки. Он чрезвычайно заинтересовался книгой (письмо от 23-го июля 1793). Но Форстер умер полгода спустя. Другой немец, в то время еще молодой, Франк Ваадер, позднее ставший мистическим католическим писателем, прочел книгу в Лондоне в 1793 году и пришел в восхищение.

Осталось неизвестным, по чьей инициативе сделан был перевод (Георгом Микелем Вебером), из которого только часть первая, включавшая первый том книги Годвина, была напечатана в Вюрцбурге, в 1803 г. Бенжамен Констан позднее сообщил (1817), что было задумано несколько французских переводов, но они остались незаключенными, — из них один начал был им самим. Но этот анти-революционный французский писатель имел лишь виду высмеять предполагаемую умеренность Годвина в его выступлении против защитников революционного террора. Он предполагал, таким образом, сделать неподобающее употребление из книги Годвина; все-же очень жаль, что такая книга, всегда бывшая и остающаяся живую книгой в Англии, не была сделана доступной французскому и немецкому читателю, а также и,

как это достоверно известно (по крайней мере до 1905 года), русскому читателю.

Первое английское издание по 3 гиней за экземпляр ускользнуло от предполагавшегося судебного преследования, именно по причине этой высокой цены, но, по некоторым сведениям, высокая цена не мешала книге получить широкое распространение и остаться образцовой работой. 4000 экземпляров были проданы. Это издание попало в руки многих радикальных рабочих благодаря их обычаю подписываться на книги коллективно. Привилегированные классы и друзья правительства, сторонники власти, встретили книгу как удар и как смелый вызов всему их режиму, тогда как вдумчивые люди восхищались ею, как наиболее логическим выводом из философской мысли. Если ранее того времени, под впечатлением революции во Франции, монархия и республика оставались предметами спора, то теперь все формы власти и правительства подверглись осуждению. (В «Фридом» за август-сентябрь 1926 г. эти и другие особенности книги были подчеркнуты в рецензии о сокращенном нью-йоркском издании 1926 г.).

Автор имел всекие основания для сокращения некоторых частей во втором издании. XXII, 464 и X, 545 ст. 1796 г. (предисловие помечено 29 октября 1795). Третье издание датировано 1798 г. Контрабандные издания вышли в Дублине в 1793 г. и в Филадельфии в 1796 г. Только в 1812 году напечатано было четвертое издание издательской фирмой Джемса Ватсон: два удобных маленьких тома в 1/12 листа, XVI, 220 и VI, 286 стр. Я не проверил, насколько это издание является полным. Нью-йоркская перепечатка 1826 г. не полна. Глава «О собственности» была издана Г. С. Солтом в серии «Социальные науки» 1890 г.; перевод ее появился в германских сериях перепечаток, издаваемых проф. Грюнбергом, (Лейпциг 1904, 98 стр.) с предисловием покойного профессора Георга Адлера. Ч. В. Дениз в Лондоне напечатал выдержки под заголовком «Размышления о политической справедливости», 24 стр. Возможно, что

появились еще и другие мелкие перепечатки такого же рода, но, насколько мне известно, полные серьезные переиздания главного текста не появились.

Далеко не в пользу социалистической и либертарной оценки литературной личности говорит то, что книга Годвина была, таким образом, сведена до мелких брошюр. Можно подумать, что он сказал всего лишь несколько пустячков и умер, унося с собой все остальное. Его разсматривают под совершенно неправильным углом зрения, когда считают, что он высказал лишь несколько хороших идей о свободном коммунизме и явился предшественником анархизма.

Его подлинное значение, по крайней мере, по моему мнению, лежит в его широком общем понимании прогрессивной эволюции, как ведущей к высшим ступеням более высоко развитой общественной жизни, которая побуждает людей стремиться жить свободной и гармоничной жизнью и дает им возможность вести подобную жизнь. Это можно понять лишь прочитав книгу Годвина целиком, а особенно текст первого издания.

То обстоятельство, что ему не удалось убедить человечество в целом или широкие массы в правильности своих целей и методов, не является аргументом против него. Подобно всякому мыслителю или художнику, провозглашающему высокий идеал, он столкнулся с окаменевшим консерватизмом, с враждой имущих, с интеллектуальной и моральной ленью и непониманием рядового человека, с противодействием правящих классов, а также и с претрассудками многих революционеров, которые, при всем своем желании, никогда не поднимаются выше общепринятых авторитарных понятий. Когда какая-нибудь идея привлекает таких людей, то они стараются навязать ее всякому и часто готовы сражаться и умирать за нее. Если они добиваются успеха, то становятся диктаторами; если же терпят неудачу, то они более, чем когда-либо стремятся завоевать возможно большую власть, больший авторитет, чтобы все-таки, в конце концов,

победить.

Эти течения были живы во время подъема, отличавшего вторую половину 18-го века и подобного подъему последних лет и наших дней. Старый режим был (без сомнения — по справедливости) обречен на гибель, в целом и во всех частях его.

Жестокость режима вызывала сильную жажду мести, и у многих это решение было суровым, твердым, непоколебимым. Таким образом и от чувств, и от холодного абстрактного разсуждения исходили те влияния, которые воспитали новых и неподкупных государственных людей типа Робеспьера и Сеп-Жюста — безупречные, не запятнанные, безкорыстные представители абстрактного авторитета. По их примеру многие укрепили свои души для страстной или безстрастной жестокости.

Все они были властниками, умевшими жить в прошлом, диктаторами на деле или в мечтах. А нарождавшийся социализм, социализм Бабефа и Буонаротти, стремился к коммунистической диктатуре тех же самых элементов, которые были наиболее рьяными сторонниками республиканских диктаторов и революционных комитетов, или, подобно Буонаротти, большими почитателями Робеспьера. Как раз в то время, когда появилась книга Годвина, на гильотину стали всходить дантонисты наравне с гебертистами, жирондисты наравне с «бешеными». Анти-якобинским республиканцам всех оттенков пришлось познакомиться с гильотиной. Томас Пейн едва спасся, а в 1794 году ближайшие сторонники Робеспьера сами были обезглавлены умеренными, которые в последующие годы управляли республикой и обезглавили последних монтаньятров в Прерале (Ромм). Наконец, и сам Бабеф был казнен, после чего последние остатки социалистических сил были уничтожены, а республика стала легкой добычей первого же грабителя, генерала - Наполеона Бонапарта.

Против всего этого Годвин очень добросовестно предостерегал. Надо верить в его искренность, потому что в Лондоне,

среди так называемых английских якобинцев, он встречал людей почти тех же качеств и склонностей и очень хорошо их знал. Они находились еще в периоде широкой агитации и устройства всякого рода секретных связей. Весьма вероятно, что все французские оттенки мнений имелись и здесь также, хотя нет сомнения, что нравы английской общественной жизни видоизменяли это подражательное движение.

Они были очень деятельны и полны энтузиазма, но им не хватало такого подавляющего успеха с первых же шагов, каким оказалось взятие Бастилии 14 июля 1789 года. Правительство играло с ними, как кошка с мышкой, и держало их в руках. Оно скрывало свой предательский умысел нанести им сильный удар в тот момент, когда их ассоциации в коалиции созреют и превратятся в заговоры. Тогда правительство раздавило бы их массовыми казнями и ссылками, отменой свободы слова и свободы печати, с тем, чтобы с корнем вырвать это передовое движение и сокрушить друзей демократической свободы и независимой религиозной мысли в духе сочинения Томаса Пэйна «Век Разума», а также сторонников аграрной и социалистической реформы Томаса Спекса, смелых литературных и художественных критиков, вместе с нарождавшимися коалициями тред-юнионистов, друзей Ирландии и, конечно, вместе с Годвином, являвшимся воплощением неверия в мощь государства и во всякую ортодоксию — всем им пришлось бы пострадать.

Этот гнусный план не удался, так как после большого судебного процесса Томас Гарди был оправдан присяжными заседателями (1794). Правительство не посмело более устраивать эти суды в Лондоне, хотя несколько жертв пали в Шотландии. Годвину, подобно другим, едва удалось спастись, и на деле смелый акт присяжных заседателей не оказался настоящей народной победой: правительство лишь продолжало преследовать свои реакционные цели другими методами. То, чего оно не могло сделать открыто, то оно стало де-

лать с помощью скрытых срудий, действуя подобно «Бравии» (наемные убийцы Венецианской Республики). Фашистские методы крупного масштаба ведут свое происхождение именно с того времени, от 90-х годов 18-го века, в Лондоне. Огромная волна искусственно раздутого ужаса перед французской революцией также пронеслась по Англии. Журнал «Анти-якобинец» был наемным выразителем этого патристического движения против всех друзей свободы. Это движение, разумеется, терроризировало издателей, другие журналы и т. д.

В 1793 году книга Годвина «Политическая справедливость» встречена была с восхищением широкими кругами, теперь же о ней стали шептаться, как об одном из источников всех зол. Несмотря на то, что во втором, удешевленном издании (с предисловием от 29 октября 1795 года) Годвин сделал некоторые изменения, описанное выше положение должно быть принято во внимание, в том смысле, что необходимо рассмотреть, было ли или не было более выгодно для него лично не выпускать нового издания вовсе, вместо того, чтобы печатать книгу наперекор всему, но с упомянутыми выше предосторожностями.

В книге «Исследователь, Размышления о воспитании, манерах и литературе. Серия очерков» (Лондон 1797; неавторизованное издание вышло в Дублине в 1897 г., а также в Лондоне в 1823 г.) Годвин все еще разсуждает в своей прежней манере. Он резкими штрихами описывает жестокость общества в романе «Калеб Виллакс», напечатанном в мае 1794 г.

После того, литературные пути были так искусно закрыты для него, что в качестве литератора он вынужден был писать книги самого разнообразного характера и ценности до последних лет своей жизни. Между прочим, он написал очень обоснованное опровержение Мальтуса. Ни одна из этих книг не связана с «Политической справедливостью». Тем не менее, книга, написанная им в 1793 и 1796 г.г., существовала и представляла собой комплекс идей, кото-

ры автор твердо отстаивал в спорах с друзьями и вдохновителями, и эти идеи не были опровергнуты путем критики или клеветы, они не были забыты, никогда не выходили из общения и всегда были доступны.

Жизнь Годвина была описана на основании многих рукописных материалов, писем и т. д., Кигеном Полем («Вильям Годвин, его друзья и современники», Лондон, 1876, VIII, 387, VIII, 340 стр.), а приблизительно десять лет тому назад биография Годвина в хорошо разработанном виде издана была Фордом К. Браун. Эту книгу я подробно разобрал в старом лондонском «Фридом» (апрель-май 1926). Вследствие его связи с Шелли, о нем, конечно, упоминается в письмах Шелли, в биографиях и во многих произведениях посвященной Шелли литературы.

Я не читал книги Брайлсфорда «Годвин, Шелли и их кружок», которая имела целью ввести читателей в эту среду. Охотно признаюсь, что я либо останусь невеждой в отношении характера Годвина на весь остаток моей жизни, либо же мне потребуются месяц или больше времени, что бы погрузиться в эти документальные свидетельства, которые, вероятно, только в Британском Музее сохранились полностью и с изучения которых следует начать, что бы выработать себе мнение о Годвине и его современниках.

Идеи, изложенные Годвином в «Политической справедливости», иногда подвергались обсуждению или предлагались читателю в кратком изложении, напр., Элпбахером (1900), Реймоном Бург (1906), Еленой Зайцевой (1907), Пьером Ромюз (1907), а также профессором Г. Адлером в его введении, написанном в 1904 году и т. д. Многое, однако, осталось еще не сделанным, и необходимо, мне кажется, новое, непосредственное исследование в свете нашего нынешнего опыта. Имеется также на немецком языке исследование Поля Эльснера (1906), пытающегося установить, чем Шелли обязан «Политической справедливости». «Калет Вильямс» при-

лек особенное внимание Рудольфа Рокера, который сделал немецкий перевод этого романа (1931).

Каковы бы ни были качества или недостатки характера Годвина, его имя связано с двумя из преданнейших друзей свободы в Англии — с Мэри Волстонкрафт, автором книги «Права женщины», которая была его женой до ее смерти от родов, а также с Перси Биши Шелли. Поэт, мечтавший о свободе, черпал вдохновение из «Политической справедливости». Он учился в этих мыслях путем личного интеллектуального общения с Годвином, а затем и женился на дочери Годвина. Эта женитьба, как и все такие связи в жизни поэта, имела свои светлые и свои темные стороны, дни радости и дни огорчений. Годвин был одним из тех, кому пришлось осушить горькую чашу до дна. Здесь достаточно будет указать на оба эти имени — Мэри Волстонкрафт (относительно которой Годвин напечатал в конце 90-х годов обширные воспоминания) и Шелли, свободнейший ум начала 19-го века в Англии: ранняя либертарная мысль в Англии не знала более прекрасного трио, чем эти трое.

Из этого краткого обзора произведений Годвина я опять делаю заключение, что социалистическая литература, первым широко задуманным произведением которой явилась книга Годвина, представлявшая собою продукт социалистической мысли в полном и широком смысле слова, начала развиваться при хороших предзнаменованиях, в качестве цельной и полнокровной концепции.

До этого времени существовали лишь примитивные произведения. В последующих произведениях было много искажений. Я возражаю против искажений, хотя я вовсе не против специализации. Необозримая обширность предмета, разумеется, требовала значительной специализации и дальнейшей разработки, но это вовсе не значит, что нужно было сокращать, уменьшать и уродовать источники. Первые начатки представляли собою социальную кри-

тику, утопия, планы и предложения, стихийные бунты, примитивные организации. Искажениями были: отказ от свободы у авторитарных социалистов; отказ от солидарности у Тукера и Уоррена; отказ от революционного действия, опыта и терпимости, с каким мы встречаемся у всех реформистов, диктаторов и тоталистов во все времена.

Тот социальный переворот, который мы предвидим, никогда не будет делом одного класса: если этот огромный переворот вообще произойдет, то он может быть лишь результатом общих содиненных усилий, наиболее сознательной части всего человечества. Препятствия могут быть устранены лишь применением энергии в надлежащем месте, подобно тому, как туннели могут быть пробиты сквозь самые твердые скалы. Но совершенно подобно тому, как сброшенные в сторону камни не образуют, автоматически, обитаемых и удобных домов, так и разрушение само по себе еще не является творческим.

Интеллект, этика и воля необходимы здесь для того, чтобы облечь в подобающую форму каждый результат, большой или малый. Я убежден, что то же самое может быть доказано на основании многих страниц книги Годвина 1792 г., как это и думал Мазатеста до конца своей жизни в 1932 г. Но в течение всех этих промежуточных лет, многие и многие искаженные толкования продолжали существовать. Углубленное изучение книги Годвина представляет собою трудный, но за то и приятный и очень интересный путь к более здоровым понятиям.

Волна диктатур, поднявшаяся во Франции в 1793 году и лишь спавшая немного в июле 1830 года, но не раньше того, помешала международному распространению «Политической справедливости». В Англии эта книга оставалась путеводной звездой наиболее либеральных и радикальных мыслителей и была дорога передовым работникам вплоть до 40-х годов, как это показывает появление перепечатки книги в 1842 году. Приблизительно в половине 19-го века книга Мадзини «Обязанности

человека» явилась настоящим набегом на эту передовую среду. Она ввела сюда дилем, антисоциализм, национализм, покорность перед добродетельными людьми, как веждами и т. д. Все это подорвало корни британской радикальной свободной мысли и четкого отрицания государства. Все-же в Англии второй половины 19-го века существовало недоверие к государству, как социальному фактору, отвержение Маркса и марксизма, предрасположение к свободному, цельному и натуральному социализму, подобному социализму Вилльяма Морриса. Это в значительной степени объяснялось длительным влиянием Годвина.

Действительно, в те 10-летия изд. «Политической справедливости» (в 4^е, 8^е и 12^е), нередко встречались в книжных лавках. Это показывает, как широко книга Годвина была распространена среди читателей предыдущих поколений.

Лучшие из передовых рабочих, гуляя вдоль книжных рядов, рано или поздно выбирали себе книжку Годвина, издания 1824 года или даже, как это было в одном известном мне случае, издания 1792 года, и гордились тем, что имеют эту добрую старую книгу. Если эти времена теперь миновали, то я лишь скажу: об этом надо очень пожалеть. Вместе с Годвином, Роберт Оуэн, Вильям Томс (1824) и Вильям Моррис заложили прочное основание подлинного социализма, и эта работа не пропала даром...

Кстати, американцы в настоящем 1936 году могли бы вспомнить о маленькой книжке, перепечатанной в 1836 году в Лондоне и впервые изданной в 1833 г. в Питтсбурге (Пены) — «Рай, которым человек может овладеть без труда, при помощи сил природы и машин». Книга написана П. А. Этплером. Второе английское издание вышло в 1842 году; немецкий перевод был напечатан в Ульме, в 1844 году. Книга представляет собой настоящий дифирамб грядущей упрощенной и децентрализованной технике, несущей огромное облегчение и усиление производительности человеческого труда путем повсеместного слияния движущих сил воедино. Эти

НА СМЕРТЬ АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО ТОВАРИЩИ!

Слышали ль вы,
Как в клетках стонут раненные львы?—
Погиб Боровой!

И, как в бурю злую бора вой—
В мозгу каждый малейший изгиб
Рычит, бушует: не погиб!
Не надо!

А сердце—тяжелая, кровавая громада—
Натужено бьется в тоске огневой:
Умер Алексей Боровой!..

Товарищи!

По всей обездоленной России, по всему
[свету, —

Мы не найдем другого
Борового!

Нам наших жертв не перечесть...
Мы их давали таровато
Стране тяжелым бедствием об'ятий.

Но эта весть —
Жестока, как удар ножевой, —
Умер Боровой!

Навеки

Сомкнулись трепетные веки.
За ними—за последней баррикадой —
Он скрылся от рабов людского стада.

Ушел от живых и штампованных речей,

Зер предвидел это задолго то того, как бы-
ло введено применение электричества и
почти за десять лет до того, как появ-
лась книга Кропоткина «Промышленность
деревня». Для него, как и для древне-
греческого поэта, новая машина означала
увеличение довольства и счастья, облегче-
ние жизни для всех.

В этом отношении почти все пали же-
ртвами фаталистического и фетишистичес-
кого преклонения перед машиной, ставшей
жестоким экспроприатором труда у людей.
Всего этого не было бы, если бы было
много вдумчивых и верящих в будущее
людей, подобных Годвину и Энгелсу и
и другим, которые никогда не склонили

И от трусливых палачей, —
И, в серой мути наших дней,
Мы стали сиры и бедней
Великим человеком.

Когда, как мирные грачи,
Руси сегодняшние палачи
Еще по заграницам прозябали,
И к роли будущих господ —
У Сены, Шпрей и Темзы вод
Себе прилежно имена стяжали, —
Он, оставаясь средь рабов,
Дерзавшем смел, умом суров,
Громил владык свирепые скрижали.

Когда взвихрившийся народ
Столетиями жиревший род
Царей и всех их верных слуг,
Как гниющий, конмарный недуг,
Сгрязнул, казалось, без остатку,
И средь руин дымящих груд —
За новый строй, за вольный труд —
Весь старый мир зывал на схватку, —
И мир штался и дрожал,
И разрушал за шквалом шквал
Его бетонные твердыни, —
Он — Боровой —
В тот напряженно - грозовой,
Чреватый новой жизнью час —

головы. Будем верить, что надежда воз-
родится в наших сердцах прежде, чем ста-
нет слишком поздно.

В этом свете представляется мне та-
перь Годвин. Я рад, что представился
случай еще раз продумать, чем мы все,
по моему мнению, обязаны его замечатель-
ному труду — подлинному продукту луч-
ших годов 18-го века и истинному свето-
чу интегрального социализма и свободной
жизни.

На пороге современной социальной
мысли этот светоч все еще горит ярким и
ясным огнем.

8 марта 1936 г.

М. Н.

Горел в бурлящем сердце масс,
В их огнедышащей пучине.

Он мечтал, что отныне
Народ не потерпит опеки властей!
Что даль волновая безкрайних степей,
Полей и лугов неогладный простор,
Моря и леса — и сокровища гор,
И все, что века, и века, и века
Создали в содружестве мысль и рука, —
Свободно от власти всегубящих пут,
Свободным союзом во власть перейдут.

И, полный веры,
Он заложить уж был готов
Основы небывалой эры,
Могучих, творческих веков.

Но творчества радость была коротка,
Как радуга неба коснувшись слегка.
Народ — победитель, народ — великан,
От буйной победы доверчиво — пьян,
Внимал, оглушенный каскадами фраз,
О власти беднячком распыченный сказ, —
И партии жадной, ее вожакам, —
Отдал свою Волю, отдал ее сам!
И исподволь, нагло, крикливо как джаз,
Неся бескорыстие свое напоказ,
Зуля массам горы невиданных благ, —
Окреп над народом безжалостный враг...

Склонился революции победный флаг!...

И новые земные боги
Заняли старые чертоги.
Предательством, обманом и изменой,
Их власть зловещей расплелась гангреной.
Петлей сдавила жизнь их цепкая рука.
И над страной навис тяжелый страх по-
важный,
И по лицу ее расплодился гриб подваль-
ный,
Страшна, как смертный хрип и звон в по-
чи кандалный,
Холодная, как смертная тоска —
Че—Ка.

Учитель наш, мыслитель и боец!
Свободы медленный конец,
Ты видел день за днем. Но как в былые

годы,
Неугасимой страстью истины питаем,
Ты не смирился под напором непогоды,
Не стал поддельной правды рабским гла-
шатаем!
Ты—битв грядущей воли пламенный гор-
нист—

Остался анархист.
С возвышенных страниц твоих трудов,
Где мировая справедливость дышит,
Несется к нам неукротимый зов, —
Настанет час — его весь мир услышит,
И, завершитель всех твоих идей,
Построит жизнь без власти и цепей.

И понятно —
Новейшие Малюты
Тебя преследовали ненавистью лютой!..
Раскинув власть над всей страной необ-
ятной,

Ее в тюрьму бездушно обратив,
Свободы творческий порыв
Несносен им — и в крике боли
Им слышится грозящий крик о воле..

А ты не мог молчать!
В атмосфере заглушенных стонов,
Свиристых казней, бешеных законов,
Не мог ты жгучего протеста не поднять.
Не мог остаться безучастным
К страданиям и тяготам народа,
К крушению его грез, надежд его святых, —
Ты—с твоим девизом страстным:
«Моя свобода —
В свободе и радости других!»

И вот—свершилось! С жестокой точностью
машин
Врагами твоя смерть была предreshена..
И всю печаль и скорбь сведающей кручины,
Всю глубь тоски глухой измерил ты до дна.
Ничто не упустил решительный диктатор!
И ссылку, и тюрьму, и мрачный изолятор,
Постыдную хулу и сеть слепых клевет, —
Он все швырнул на путь твоих последних
лет. —

Умер Боровой!
Как в бурю злую, бора вой,
В мозгу каждый малейший изгиб —

А.-М.

ЧТО ТАКОЕ АНАРХИЗМ?

В огромном большинстве русского общества относительно анархизма существуют самые превратные понятия. Вследствие отсутствия свободы слова, оценку анархизма можно встретить лишь в газетах, враждебно настроенных к этому учению, и без само учение, так и его последователи являются грубо оклеветанными.

Анархизм для большинства русских читателей представляется каким то разбойничьим учением, а сами анархисты людьми без всякой нравственной основы, стремящимися к разрушению, или ради одного разрушения, или для удовлетворения своекорыстных побуждений.

Даже в Западной Европе к анархизму все еще относятся далеко не безпристрастно, не стесняясь приписывать его последователям такие мнения, каких они не имеют, представляя их невежественными фа-

натиками, стремящимися вернуть человечество к первобытному состоянию, лишив его всех дорогих завоеваний тысячелетней культуры.

К счастью среди западно - европейских ученых, интересующихся анархизмом, начинают появляться люди вполне добро-совестные, которые рассматривают анархизм со строго научной точки зрения, исследуя его, как одно из проявлений человеческого мышления, не стараясь ни превознести его, ни унижить. К таким ученым принадлежит берлинский исследователь анархизма Эльцбахер, который с чисто немецкой тщательностью исследовал учения семи наиболее выдающихся представителей анархизма: Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Токера, Кропоткина и Толстого. Этою в высшей степени безпристрастной работою и будем главным образом пользоваться при дальнейшем изложении *).

I.

ВИЛЬЯМ ГОДВИН

Одним из первых по времени представителей анархизма Эльцбахер считает англичанина Вильяма Годвина.

Вильям Годвин родился в 1756 году. Получил богословское образование, он был пстом проповедником в одной кальвинистской общине, но, чувствуя невозможность примирения церковных догматов с требованиями разума, он сложил с себя духовное звание и посвятил свои силы главным образом литературе.

Высшим законом, руководящим деятельностью человека, по мнению Годвина, должно быть всеобщее благо, которое заключается в обладании умом, деятельной добротой и свободой. Истинный мудрец не знает ни эгоизма, ни честолюбия, ни зависти. Основное стремление человека есть желание содействовать благу всех разумных существ.

*) P. Eltzbacher, "Der Anarchismus". Berlin, Guttentag. 1900.

Вунтует, грозит: Он погиб! Он погиб!
А сердце — нелепое, бурное сердце —
Свои открывает потайные дверцы,
И грозным зарокое сознание хранит:
Алексей Боровой большевиками УБИТ!

В этом строе безволею и рабством пропитанном,
В этом строе безудержным злом перегруженном, —
Он терпкой свободы борцом был испытанным,
Он был так безмерно - мучительно нужен нам...

Потеряли мы друга, учителя, —
За замками тюремных ворот —
Он сторел между нами, лучи стеля,
Неизведанных горных высот.
Потеряли мы брата, товарища,
И еще не утихла борьба:
Средь студеных развалин пожара —
Отдаленные крики и стрельба...

САША-ПЕТР.

Март 1936 .

В своем стремлении к всеобщему благу, говорит Годвин, человек должен руководиться своим разумом. Так называемое право, законы, издаваемые людьми, очень часто являясь выражением, противоречащим требованиям справедливости, и потому разум человека должен быть выше всяких постановлений права. Раз мы в своих действиях руководствуемся требованиями справедливости, т. е. всеобщего блага, то никакие законы уже не могут иметь над нами власти. Чем меньше люди будут руководствоваться в своих поступках и суждениях обычаем, привычкой, писаными законами, тем больше будет власть разума и справедливости.

Отвергая самые основы законов, Годвин отвергает и государство, считая его учреждением, особенно противоречащим всеобщему благу и справедливости.

Одни считают основой государства насилие, — другие божественное право, третьи — договор. Если держаться первого взгляда, то безнравственность государственного принципа очевидна. Второй взгляд или оправдывает всякую государственную власть, даже основанную на насилии, и в таком случае противоречит требованиям нравственности, или же предполагает, что людям известны признаки, по которым можно отличить власть, исходящую от Бога, от всякой другой; при отсутствии же таких признаков этот взгляд не имеет никакой ценности. Третий взгляд предполагает, что один человек по договору может передать другому заведывание своей совестью и обсуждение своих обязанностей. Но мы не можем отказаться от своей нравственной самостоятельности; она представляет собственность, которую мы не можем ни продать, ни подарить; поэтому никакое правительство не может основывать свою власть на каком-либо первоначальном договоре.

Но не следует смешивать государство с обществом. Происхождение их совершенно различное. Общество создается нашими потребностями общения и взаимопомощи, государство создается нашей порочностью.

Общество всегда есть благословение, государство в лучшем случае есть необходимое зло. Государства отжили свое время, и в недалеком будущем люди будут соединяться для удобства жизни в небольшие общины, независимые друг от друга.

Что будет соединять людей в этих свободных общинах? Разумеется, не договор. Человек не может быть связан никаким обещанием, так как то, что он обещал, или есть добро, и, в таком случае, он должен делать его и помимо обещаний, или же это есть зло, и тогда никакое обещание не может обязать человека делать его. Человек должен руководствоваться истинной ценностью вещей, а не внешними обязательствами. Связующим началом будущего общества явится обсуждение вопросов, касающихся всеобщего блага. Общинное обсуждение этих вопросов должно повлиять благотворно на характер каждого отдельного человека; и то, что каждый отдельный человек, каково бы он ни был высокого мнения о себе, должен подчиняться решению общества, будет служить постоянным подтверждением того великого принципа, что каждый должен жертвовать своей выгодой в пользу всеобщего блага. Раздоры и несогласия, которые могли бы возникать между отдельными лицами, улаживались бы судом присяжных, руководимых разумом, а не законом, недоразумения же между общинами разбирались бы особыми представителями от целого ряда общин, собирающимися на народные собрания для выяснения текущих требований справедливости и всеобщего блага. И не надо бы было содержать ни дипломатов, ни армий, ни флотов, ни шпионов.

Годвин предполагает, что при дальнейшем развитии человечества окажутся лишними и суды присяжных, и народные собрания.

Отрицая право, отрицая государство, Годвин отрицает и собственность, которую считает учреждением, наиболее противоречащим всеобщему благу.

Богатство, т. е. обладание собственностью, распределяется крайне неравномерно и произвольно. Часто самому работаю-

тому и полезному члену общества бывает трудно избавить свою семью от голода. Другой, наоборот, получает такое вознаграждение, что мог бы приобрести на него в сто раз больше пищи и одежды, чем ему нужно. Где же здесь справедливость? Если бы я даже был величайшим благодетелем человечества, разве это причина, чтобы давать мне то, в чем я вовсе не нуждаюсь, когда при том же то, что для меня избыток, — могло бы быть в высшей степени полезным для тысячи людей. При господстве современного взгляда на собственность, одни люди тратят все свои силы на добывание себе необходимого пропитания и лишены возможности какой-либо заботы о всеобщем благе; другие же, утопая в роскоши, не находят ни малейшего побудительного повода к труду. При таком состоянии общества, в бедных necessarily должны развиваться чувства приниженности, зависти и злобы, а в богатых — честолюбие и тщеславие.

Всякий член общества имеет право на пищу, одежду, жилище и на те жилищные удобства, которые соответствуют производительности труда в данном обществе. Несправедливо, чтобы один человек работал до потери здоровья и жизни, в то время как другой утопает в роскоши. Несправедливо, чтобы у одного человека не было свободного времени заняться своим умственным развитием, в то время, как другой и пальцем не пошевелит для всеобщего блага.

Но каким же способом анархист Годвин думает осуществить свой план? Как предполагает он разрушить существующие законы, государство, собственность, — то есть все то, без чего многим средним людям жизнь кажется невозможной? В чем заключается разрушительное орудие Годвина? На чем основываются его надежды на успех разрушения?

Надежды Годвина основываются на вере в благородство человека. Он верит, что человек по природе своей есть существо, склонное к справедливости, добродетели и благожелательству, и потому, отвергая всякие насильственные меры, он утверждает,

что для желанного изменения существующего строя необходимо, чтобы люди, узнавшие истину, убедили в ней остальных членов общества, доказав им необходимость и полезность перемены; тогда сами собой уничтожатся право, государство и собственность, и возникнет новый общественный строй.

На всякое насилие, говорит Годвин, мы должны бы смотреть с неприязнью. Выходя на арену насильственной борьбы, мы покидаем прочную почву истины и представляем решение вопроса произволу случая. Войско разума неуязвимо; оно подвигается спокойным, твердым шагом, и ничто не в силах противостоять ему. Но раз мы оставляем доказательства и беремся за меч, то дело обстоит иначе. Кто может среди шума и смятения междоусобной войны предсказать, будет ли успех на его стороне или на стороне противника? Итак, следует делать строгое различие между просвещением народа и возмущением его. Мы не должны возбуждать гнев, ненависть и страсти, а должны желать лишь здорового, ясного и безобязанного обсуждения вопроса. Надо по возможности убедить все общество в необходимости изменения общественного строя; только таким образом можно избежать насильственного переворота.

Раз произойдет переворот в общественном мнении, то право, государство и собственность уничтожатся сами собой, и возникнет новый общественный строй. Люди сознают свое положение, и сковывающие их цепи исчезнут, как утренний туман от лучей восходящего солнца.

Из приведенных нами вкратце воззрений Годвина, читатель может видеть, как далек этот мирный и возвышенный идеалист от тех низменных побуждений, которые приписываются обыкновенно анархистам их современными клеветниками. Удивительного в этом, конечно, нет ничего. Дело в том, что анархисты отрицают все истинное здание существующего строя и огроменно обнаруживают его ложь и несправедливость. Те же люди, которым существующий строй выгоден, или которые по сво-

Анархизм и синдикализм *)

Анархическое движение разных стран давно уже раздражает спорный вопрос об анархизме и синдикализме. Нерешенный еще и до сих пор, этот вопрос порождает немало разногласий и продолжает быть предметом самых горячих споров и дискуссий.

Анархизм и синдикализм — в чем состоит разница между ними?

Чтобы лучше всего ответить на этот вопрос, надо пояснить сначала, что такое анархизм и что такое синдикализм. Это поможет нам разобраться в нашем спорном вопросе.

Анархизм есть учение о свободном общении людей. Отрицая все принудительные формы государства, как и всякое проявление власти вообще, анархизм стремится к созданию или организации свободных союзов, основанных на вольном соглашении людей. Вольное же соглашение

может быть достигнуто только при условии независимости и личной инициативы самих людей, в данном случае членов организации. Ясно, поэтому, что отрицая принцип принудительности, анархисты призывают принцип свободного союза, свободной организации. И отсюда также следует, что стремление к всестороннему развитию человеческой личности приводит нас, анархистов, к признанию наиболее полной, свободной и децентрализованной формы организации.

Что же такое синдикализм? Синдикализм — это стремление радикально настроенных рабочих, разочаровавшихся в целесообразности парламентской политической борьбы, к образованию профессиональных союзов или синдикатов с целью непосредственным путем подготовить рабочих к свержению капиталистического строя. Синдикалистская форма рабочей организации основана на принципе централизма, повиновения и дисциплины. Синдикалисты верят, что их организации — это «ячейки будущего свободного общества». Но каким образом это «свободное общество» сложится, каким образом его достичь: посредством ли революции или реформ? — на этот вопрос синдикалисты отвечают разное. Одни верят в насильственную социальную революцию, другие — только в экономическую революцию, третьи — в отмирание капитализма эволюционным путем и т. д. И синдикалисты не замечают того, что у них нет определенной тактической программы, как и нет определенной теории, и что вся их практическая программа сводится всецело к борьбе за мелкие, частичные улучшения.

В какой же плоскости находится анархизм по отношению к синдикализму? Родственные ли они течения или нет?

Из сказанного ясно, что основные принципы анархизма не восприняты синдикализмом. Они не обнаруживаются ни в синдикалистской форме организации, ни в синдикалистских методах борьбы... Синдикализм является движением с особыми,

*) Статья из готовой для печати брошюры автора: «Наши разногласия».

ей слепоте верят в его святость, должны придумать какое либо объяснение, которое оправдывало бы существующий строй и его приверженцев. И вот одни бессознательно, а другие сознательно стараются объяснить враждебное отношение анархистов к существующим порядкам не тем, что порядки эти плохи, а тем, что плохи анархисты. И чем более привержены эти люди к существующему строю, тем большие клеветы они готовы сочинить на анархистов. Нечто подобное происходило в первые века христианства, когда даже лучшие люди язычества, веровавшие в величие существующего государственного строя, вида, что христиане относятся к этому строю отрицательно, готовы были верить и верили в самые гнусные клеветы, которые распускались против христиан. Не следует забывать уроков истории и необходимо относиться с большой осторожностью к тем сказкам, которые распускаются про анархистов.

присущими ему чертами, резко отличающимися от анархизма. Думать, поэтому что анархизм и синдикализм — одно и то же, значит иметь неправильный и ложный взгляд на синдикалистское движение вообще и на анархизм в особенности.

Казалось бы, что вопрос об отношении анархизма к синдикализму, вследствие этого и при рассмотрении его с принципиальной точки зрения, не должен был вызвать столь резких разногласий среди анархистов. Однако, решение этого вопроса несомненно. «Практические выгоды обязывают нас идти в синдикаты», — говорят некоторые анархисты, сдвигая тем самым решение вопроса с принципиальной почвы на практическую. Но каковы же эти вопросы, в чем они заключаются и есть ли основание на них рассчитывать? Эти выгоды, вытекающие, якобы, из непосредственного участия анархистов в синдикатах, основываются на двух предположениях:

Первое — это утверждение в том, что синдикалистское движение может, под влиянием участвующих в нем анархистов, изменить свое направление по желательному анархистам, пути, пересоздать, так сказать, свою сущность. И рабочие, находящиеся в синдикатах, в процессе борьбы будут приближаться по своим стремлениям и по своей тактике к анархизму. «Перерождение» синдикализма в анархизм может совершиться медленно, постепенно или быстро, в зависимости от различных условий. Так обыкновенно думают синдикалисты.

Но я думаю, что уверенность в подобном перерождении синдикализма может быть основана на одних лишь утопических предположениях, на слепой вере, ибо деятельность синдикатов неизбежно замыкается в рамки повседневной профессиональной борьбы. Конечная же цель, поставленная синдикатами, являясь лишь программой-максимум, не может изменить сущности синдикалистского движения, развивающегося в пределах борьбы за временные интересы. Временные интересы, являясь реальной целью, овладевают, таким образом, движением и неизбежно устанавливают железную

зависимость между формой организации и тактикой, которая, в свою очередь, удерживает изменение цели. Создается взаимная непоколебимая зависимость между борьбой за достижение временных интересов и тактикой достижения поставленной цели. Синдикализм, как новый вид профессионального движения, воспринял известную форму организации и тактики лишь потому, что как та, так и другая вполне отвечают его интересам, выгодны ему и ни в коем случае не противоречат его задачам. Это не игра случая, не произвольный выбор, а сознательное приспособление формы движения к цели. Но если медленная эволюция синдикализма не ведет к уничтожению капиталистической системы и к установлению свободного, анархического строя, то тем более нет оснований предполагать, чтобы синдикалистское движение, покинув вдруг свой профессиональный путь борьбы, приступило к революционной экспроприации эксплуататоров. Объективные условия, управляющие новым профессионализмом, не допускают его перерождения ни в том, ни в другом случае.

Вот почему когда перед нами всплывает множество фактов, указывающих на эволюцию синдикализма в противоположную сторону, т. е. в сторону реформизма и приспособленчества, которой подверглись, например, анархисты во французских синдикатах и в американских индустриальных союзах, мы, анархисты — антисиндикалисты, рассматриваем такую эволюцию не как случайное явление, зависящее от некоторых индивидуальныхностей, а как явление неизбежное, ибо логика, объективная логика вещей сильнее мечтаний отдельных лиц. И это вполне подтверждается крушением «анархической идеологии» французского синдикализма и американского индустриализма.

Эволюция синдикализма в сторону анархизма не совершается и не может совершиться. И не синдикализм, как движение, воспримет идеи анархизма, а наоборот, анархизм незаметно вливает в себя идеи синдикализма.

Второе предположение, на которое час-

то указывают синдикалисты, основано на вере, что грядущая социальная революция примет анархическое направление вследствие оказанного анархистами влияния на рабочие массы в период работы анархистов в синдикатах. Случайные вспышки на почве борьбы за временные интересы стихийно приведут рабочих к революции, которая будет настолько глубока, что не ограничится мелкими изменениями или реформами, как это было до сих пор, а всколыхнет самую основу капиталистического строя. Она подойдет быстро и вплотную к институтам частной собственности и власти и направит против них свои разрушительные удары. Так полагают синдикалисты.

Допустим, что революция грянула вдруг, неожиданно и сильным порывом развернула свою могучую разрушительную силу. Возникают вопросы: по какому пути пойдет революция? В какие формы она выльется? Каковы будут ее конечные задачи и цели? И будет ли ее содержанием осуществление анархизма или нет?

Отвечая утвердительно на последний вопрос, синдикалисты упускают из виду одно очень важное обстоятельство. Они забывают, что синдикаты, которые, по их мнению, должны стать во главе революции, имеют смешанный, разношерстный членский состав. Наряду с сознательным анархическим меньшинством, в них объединены такие слои рабочего класса, которые враждебно относятся к анархизму и анархистам и сознательно или бессознательно примыкают к антиреволюционным течениям. И за отсутствием определенной теории и цели, — а синдикализм есть движение без определенной, конечной цели, — массы в разгар революции могут примкнуть к любому движению, которое может преследовать любой идеал, но только не анархический.

Революция, таким образом, будет осуществлять не те формы общежития, которые желательны отдельным лицам или группам, а те, которые вошли в плоть и кровь строителей будущего. Система централизованной организации, на которой построен синдикализм и без которой он был бы об-

речен на бездеятельность и смерть, не может воспитать борцов за анархический идеал. Ибо только в свободной, анархической организации зреет разрушительная и творческая сила революции.

Синдикалисты, увлекаясь созданными заманчивыми предположениями о своей работе в синдикатах, не замечают того, что вопрос об отношении анархизма к синдикализму не может решаться лишь в области практики. Он находится в тесной, коренной связи с основными принципами анархизма; от его решения зависит участь самостоятельного анархического движения. В отличие от других теорий или учений, анархизм тем и отличается, что он является безкомпромиссным и цельным движением. Он допускает лишь те формы организации и те методы борьбы, которые вытекают из его сущности и ведут к осуществлению его идеала. И поэтому анархическая работа достигнет расцвета и развития лишь тогда, когда она развернется широко и вглубь, и когда участвующие в ней анархисты смогут исчерпать все имеющиеся в них духовные и материальные силы. Вызвать такую самостоятельность среди анархистов возможно только в анархической организации, в которой самое серьезное внимание обращается на качественное развитие ее членов и в которой совершенно отсутствует рабский дух дисциплины и подчинения. Всякая другая форма организации создает только дисциплинированную толпу, привыкшую действовать по указке своих вождей. А эти последние всегда стремятся к тому, чтобы воспитать рабов и господ, подчиненных и властителей. Ибо необходимо помнить, что не власть создала человека, а, наоборот, человек создал власть.

Анархическое движение, ставящее себе целью уничтожение всякой эксплуатации и всех форм власти, должно усиленно стремиться к воспитанию массы в духе свободной, самотворческой деятельности. А такое воспитание рабочие могут получить не в синдикалистской организации, основанной на дисциплине и подчинении, а только в анархической организации: в ней

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Экономическое положение, как главная материальная сторона жизни, чаще всего, если не всегда, предreshает судьбу участь человека. Социальное же положение устроено всегда и везде так, что огромное большинство явно и тайно находится в зависимости не только от образа жизни, но и воспитанием от ничтожного, от властного меньшинства.

Если единицы, благодаря своим личным способностям и энергии, да участью близких успевают выдвинуться, очутиться на верхах, то скверное ныне влияние среды до того сильно, что направляет всякую деятельность их на ложный путь.

Очутившись на высшей ступени общественного положения, эти единицы стремят-

ся одной возможно формировать силы для грядущей социальной революции, должны прийти к освобождению всему трудовому человечеству. И чем сильнее и шире развернется борьба самостоятельных анархических организаций, тем скорее социализм, как утопия рабочего освобождения, потеряет свое влияние, уступив место анархизму — идеалу подлинного освобождения от ига капитала и власти не только одного рабочего класса, но и всего человечества.

Л. ЛИПОТКИН.

ПОПРАВКА

В прошлом номере «Пробуждения», в статье Л. Липоткина «Большевизм и мораль», на 19-й странице первого столбца, 3-я строка снизу, пропущена строка, искажающая смысл двух предложений. Эти предложения должны правильно читаться так: «До сих пор еще не было доказано, что в человеческом обществе господствует единая классовая мораль. Гораздо ближе к истине указание на то, что такие моральные явления, как правдивость, справедливость и нравственность, в большей или меньшей степени распространены во всех классах человеческого общества».

ся всеми возможностями, боясь конкуренции, не допустить до своего уровня людей низших сословий.

Таким образом, будучи социально бесправным, большинство также не имеет возможности преуспеть экономически. Вообще же, разделенные по положениям и классам люди, значит и духовно несплоченные, всегда будут создавать всевозможные социальные и политические неурядицы, экономические кризисы и всякого рода зло и несчастья.

Существующие политические и социальные устои во всех почти странах, установленные властью, правителями, по их же суждениям, являющиеся слугами нарядными, беспокоящиеся о всесторонней участи, а также и экономическом положении подданных своих, в сущности совершенно не годны, если не могут обеспечить всех людей всем необходимым для жизни и трудом-делом вообще.

Правда, государством, власть имущими и богатыми подготовлены всегда соответствующие условия и порядки для того, чтобы затемнить перед сознанием народа сущность его настоящего положения.

И непроросвещенный народ, поэтому и оправдывает такое свое смешное до трагизма, жалкое положение. Дело в том, что никто не владеет самим собой, никто не распоряжается собственной судьбой. Но зато чуть ли не всякий желает завладеть трудом и свободой ближнего.

Каждый стремится всегда эксплуатировать другого, не считаясь ни с кем и ни с чем, имея виду только собственный успех. Поэтому и не в состоянии люди вырваться из всякого зла, окружающего их и освободиться от векового рабства, всегда обновляющегося разными, искусно созданными социальными условиями.

Обеднение европейской стран войной, падением валюты и чрезмерное повышение стоимости материальных ценностей; последовавшее за этим машинное усовершенство-

вание, развитие техники с знаменитым перепроизводством, затем искусственное вздувание цен на все, как и неимоверные биржевые спекуляции с последующей тоже искусственной паникой, все вместе взятые столь ненормальные явления, созданные исключительно социальной преступностью жестоких эгоистических людей и послужили причиной небывалого в истории экономического кризиса.

Самоубийства, духовное обнищание, нравственное падение, самая жестокая преступность — суть плоды его. Ибо на все способен человек, когда в нужде он. Мир очутился в критическом экономическом положении. Самые бедные превратились в нищих. Рабочие, в большинстве неквалифицированные, да и иные специалисты и даже ученые, очутились без работы, а вместе с тем и в безвыходном положении.

Даже многие банкиры, иные делцы значительно обеднели, некоторые лишились всего достояния. (Мы за них, конечно, не беспокоимся, ибо все они нажились прямо, или косвенно, эксплуатируя ближних).

Самые же богатые, крупные финансисты и вершители судеб народных, ничего, конечно, не потеряли от кризиса. Правда, их состояние, а с этим и доходы пали и тоже уменьшились, но лишь в форме облигаций. В сущности же, с обесценением предметов потребления, как и всякого имущества и документальных ценностей, ерунда держателей всего достояния народного, не могущая использовать всего, сама ничего не потеряла.

Мертвые цифры, оценивающие все в капиталистической системе, пали, но достояние народное, раз приобретенное, вовсе не исчезло. Наоборот, всего есть в таком огромном изобилии, что многие фабрики и заводы пришлось закрыть из за перепроизводства. А нуждающиеся не имеют средств для покупки нужного товара.

Понастроенные красивые, уютные дома пустуют, точно некому жить в них. А между тем, во многих старых домах, изгодных уже для жилья, ютятся по несколько семейств без всяких удобств и возмож-

ностей отдыха. Гиганты — пароходы, аэропланы, поезда, об'езжающие весь мир, всяят постоянно одних и тех же пассажиров, как то: государственных людей, разных военных и гражданских чиновников, богачей и финансистов, купцов и артистов, да вообще единицы, располагающие средствами, опять и опять туда и обратно, в десятый и двадцатый раз смотреть чужие страны, увидеть свет.

Правда, путешествует и беднота, но лишь раз в жизни: в исключительном порыве своем из края в край в одном стремлении к существованию. Явное противоречие существующей несправедливой системы говорит само за себя. А многочисленные жители всех стран, жаждущие хоть раз в жизни побывать за-границей, посмотреть и увидеть свет, его особенности и обитателей, убедиться воочию в силе природы, в красоте и благотворности всесветного пространства, его земель и морей, почуять его чудовищную атмосферу и ее благодать, познакомиться и подружиться с обитателями иных частей земли, и полюбить их, — не имеют возможности. На это дело и удовольствие нет средств и прав у людей. Чтобы все было так как есть, угодно тем нескольким, во власти которых действительно находится существующее положение. Когда этим, исключительным кажется выгодной война, они ее создают. Чтобы им ни вздумалось, чтобы им ни показалось удобным, полезным и нужным для себя, они это дело проводят в жизнь. И если, что часто бывает, какой либо замысел их провалится, то и тогда они ухитряются устроить все так, что народу, а не им приходится расплачиваться за их неудачу.

Видать, таким образом, что эти единственные страшно эгоистические люди, уже достигшие такого особого исключительного успешного социального и экономического положения, все еще недовольны. Многие, не столь еще сильные и властные, обвороженные первыми и стремящиеся подобно им к такому же особому господству и дешевой славе, значит пропитанные той же

идеологией наживы, зависти и коварства, не меньше их делают всевозможные попытки эксплуатировать и угнетать всех тех остальных, которые подвластны им. Да и конкурируя между собой, с подобными себе по благосостоянию, им все же неизбежно приходится всякий свой успех и победу над конкурентом строить преимущественно на эксплуатации трудящихся. Ибо только при сокращении заработной платы, увеличении рабочих часов, когда труд человеческий приобретает за бесценок, да при изобретении все более усовершенствованных машин, тоже созданных трудом и энергией рабочих, гением человеческим, лишь успешно могут конкурировать предприниматели.

Ясно, что на трудах одних жертв существующего социального строя обогащаются другие — счастливицы его — нетрудящиеся. Так и во всяком почти ныне успехе или неуспехе, потере или выигрыше, одни являются жертвами — побежденными, существующими несправедливыми условиями жизни, а другие торжествуют, как победители, по разным причинам, созданным исключительно эгоизмом человеческим.

Правда, ведя такой неестественный, не согласующийся с велениями человеческой природы, как и с здравым рассудком образ жизни, люди, часто чуть ли не все, страдают от этого. Но почему то им все же кажется, что только такой образ жизни суть наилучший.

Конечно, в таком мышлении только кроется зависть к превосходству и ненависти к угнетенным: два никогда и никоим образом недопустимых явления в человеческом чувстве и мысли, как и в практической, реальной жизни.

Данный экономический кризис охватил весь мир, и во всех странах предпринимаются разные меры к его ликвидации. Но меры, предпринимаемые государствами, как и частными общественными учреждениями для уничтожения безработицы, для общего улучшения экономического положения большинства потерпевших от кризиса, мало существенны или ничтожны. Времен-

ные благотворительные пособия и незначительные реформы в отношении эксплуатации и конкуренции ничтожны в сравнении с тем социальным сдвигом, какой требуется для полной ликвидации его. А требуется хотя бы временное перемирье всех людей.

На поправку и починку существующего строя, ждущегося на эгоизме с частной или государственной собственностью его главе, сторонники его готовы употребить невероятные затраты лишь бы не лишиться его фундамента, а с этим, конечно, личной выгоды. И это понятно. Все свои затраты они, филантропы и благотворители, народные представители и общественные деятели, которые воспитаны на неравенстве, нечестности, эксплуатации и угнетении рассчитывают вернуть себе с прибылью в будущем.

Всякие же меры и способы, предлагаемые защитниками существующей социальной системы для полной и постоянной ликвидации кризиса, ничтожны, в то время, когда она, сама собой, существуя, — порождает всевозможные кризисы: политические, социальные, индустриальные, финансовые и другие.

Порою кажется (пусть хотя бы на позыву лишь себе самим), что люди в самом деле желают поправить и наладить существующее критическое, доведшее чуть ли не до банкротства все страны, экономическое положение, но не знают как. И в самом деле, что могут сделать, и так совершенно беспомощные в деле служения ближнему люди, для тех, которых они когда-то сами безжалостно обирали и эксплуатировать?

А ведь в сущности только так и создаются, потому и существуют всякие кризисы, что люди не знают меры, предела эксплуатации и угнетения. Нет границ у людей в эксплуатации других, в издевательствах над себе подобными. Правда, в существующем экономическом кризисе пострадали многие и не бедные: все они сами тоже повинны в этом. Но больше всех, все же, пострадали самые бедные и так

исимущие. И чем зажиточнее кто, тем меньше потерпел, хотя и больше потерял достояния. Самые же богатые не потеряли, и уж никак не потерпели, но возможно еще больше нажились. Зато, чем богаче, тем больше тот повинен в существовании кризиса.

Ибо от великого эгоиста и эксплуататора в большей мере зависело зарождение и начало его. Так, большие финансисты до того жадны к наживе, что совершенно не замечают, какую большую опасность им самим сулит в последнем счете их собственное чрезмерное обогащение. А средней руки делец неизменно следует за ними, не меньше эксплуатирует своих рабочих и служащих, если не больше, чтобы суметь поравняться с большим богачем. И мелкие торговцы, да профессионалы и лучше устроенные служащие и квалифицированные рабочие, все, побуждаемые личной выгодой, стремятся эксплуатировать всевозможными путями всякого с кем ведут дела, имеют какие либо материальные связи, ни на что позолительно не смотря.

Таково устройство социальной жизни в любом капиталистическом или социалистическом государственном обществе, знающем только личные интересы, или казенные выгоды, тоже идущие в пользу единиц.

Возможно, что политические лидеры вместе с крупными финансистами, экономистами и учеными усмотрят в недалеком будущем необходимость действий (главное из за угрожающей общей опасности) для уничтожения кризиса, улучшения существующего крайне критического положения.

И что же мы замечаем? Богачи-финансисты, банкиры и кредиторы вообще, начинают больше прежнего притеснять и душить своих должников, мелких торговцев, владельцев какого либо имущества и всех тех, кто прямо или косвенно находится в зависимости от их капиталов.

Они, эти бедные богачи, тоже мол, пострадали во время экономического кризиса. Сравнительно, принимая в учет большие суммы, вложенные ими в разные предприятия, по процентам, мало зарабатыва-

ли. И прежние, в нормальное время считающиеся барыши, страшно упали, уменьшились во время депрессии. А теперь всеми мерами стараются наверстать потерянное.

Так поступает всякий спекулянт, лавочник, делец. От розничного торговца до ситовика, фабриканта и банкира, все стремятся владеть свои дела, побольше зарабатывать за чей бы то ни было счет. Потребитель, не успевший еще и шата сделать в отношении улучшения своих заработков, уже испытывает на себе новое бремя спекулянтов: все необходимые продукты уже вздорожали.

Но появились надежды и на улучшение его положения, а с увеличением общественных работ, государственных и частных предприятий, многие, если не большинство безработных, получат работу.

И опять все закроет глаза свои на все окружающее. И от финансистов до поденного рабочего, все без исключения поспешат наладить свои личные дела, дабы опять извлечь наибольшую выгоду и пользу для себя лишь. Все очень заняты сейчас: всяк должен свои счета сводить, кто расплачиваться с кредиторами, кто собирать долги, кто крупные, кто мелкие, кто просто впутывается больше в омут выгоды да невыплачиваемых долгов за свое нищенское существование, кто гонится опять за большой наживой, кто стремится к тому, чтобы скопить снова денег на черпный день.

И вот все в своих диких стремлениях, в целях личного обеспечения, прежде, чем кое как освободиться от страшного экономического кризиса, сами своим настоящим образом жизни, мышлением и действием уже приступают к началу осуществления нового, какого либо социального уродства, неизбежно долженствующего привести к новой экономической разрухе. А пока что — с временным хотя бы улучшением положения всех, неизменно остается тот факт, что глубокая несправедливость, даже в самый критический момент, все же руководит делами людей.

Кто меньше имел, тот меньше и получит, даже при наибольшей затрате сил и энергии. Кто больше имел, тот опять больше приобретет, даже при наименьшей затрате всего.

Нас, конечно, интересуют те, которые в нужде: мало зарабатывающие, и главное — безработные. По всей вероятности, положение всех почти улучшится временно: стромное большинство безработных получит работу, а все эксплуатируемые в общем получат возможность больше трудиться и немного больше зарабатывать, или немного меньше трудиться и меньше зарабатывать. И это особенное дело совершается на наших глазах, при диком реве протеста одних, совершенно темных политиканов и богачей — хищников в великом шуме торжествующих «добродетельных и благоразумных» государственных и общественных деятелей.

Если когда то, до развития техники и индустрии в какой либо стране, мог существовать голод, то причины тому были стихийные: засуха или наводнение, да вообще страшное, не от человека зависящее, неотвратимое явление, которому он не в состоянии был противостоять. Тогда чуть ли не все население данной местности терпело нужду и страдало, как от какого то необузданного катастрофического удара. Но с развитием науки, человек постепенно освобождается от влияния многих не на пользу ему существующих «темных» природных сил. И даже ныне, ставши в известной степени своим собственным судьей, руководителем своей участи, руководителем своей жизни, он этим самым доказал себе свою независимость и превосходство над самой природой, и не только в отношении умения освобождаться от нужд материальных, но также и от ее дикого влияния на его духовное начало.

Что больше, человек уже сумел использовать многое в природе, казавшееся ему сначала чем то ненужным, и есть надежда, что в будущем он, все еще ему не известное, а то и вредное для него, сумеет превратить в новые источники блага.

И теперь невозможен голод зимой, как только искусственный. Немыслимы же голод и нужда вообще для них, когда другие утопают в роскоши. И так, во многом, что касается мышления, воли, дерзновения, труда и энергии, далеко вперед пошел человек. И благодаря этому материальное преуспевание его так велико, что уже теперь физическое существование его на многие века вперед смело гарантировано.

Зато в области духа и нравственности человек, в общем, не в меру отстал... Люди завели слишком односторонний образ жизни. Все соки ума, все силы физические, вся волевая энергия, все воображение приурочены и направлены на приобретение материальных благ. В духовном отношении человек обнищал, в материальном же стремлении своем он не находит предела. И развивая такой образ жизни, человек, сам не замечая этого, ставит на карту самое свое существование.

И в самом деле, давши волю своему эгоизму, человек ни перед чем не останавливается ради личного успеха. Личный же успех заключается не только в удовлетворении одних физических потребностей, одних материальных нужд, интересов. Но главным образом стремится к материальному благу безотчетно, как животное к объединению, к наживе. А в таком случае ему неизбежно приходится сталкиваться с другими, такими же как и он, которые в свою очередь тоже ищут, да рыщут по-добно зверю, того же, что и он.

Правда, многие мирные люди готовы довольствоваться самым малым, весьма ограниченным для существования и не ропщут. Но те, которые идут по пути к наживе (а их тоже много) не столько борятся с подобными себе по психологии, но преимущественно наступают на тех, которые не умеют сопротивляться. Таким образом, каждому, кто стремится к наживе, к преуспеванию, к богатству, к славе материальной, к особому положению, приходится обирать, унижать, оскорблять, обманывать, эксплуатировать и угнетать многих. Ценою свободы, труда и мышлений многих чест-

ных тружеников единичные, нечестные, интригающие — паразиты наживаются. И те, у кого мало есть, тех до последней нитки, не стыдясь самих себя, самым безжалостным образом имущество обирают. И хотя никто из богатых не в состоянии использовать всего своего достояния и хотя его радости жизни также ограничены, и не лишены он болезней и смерти, и хотя это общеизвестно, многие, очень многие, если не огромное большинство, стремятся кто полусознательно, кто с полным сознанием, а кто и бессознательно к какому то великому завидному положению богача.

Что же получается? История повторяется.

Стремясь к богатству и эксплуатируя кого только удастся для одной этой бессмысленной цели — наживы люди развивают до безграничности дикую борьбу за звериное существование. Известно, что более сильные, более пошлые и жестокие больше успевают. Но все дурное, как и хорошее, встречает часто преграду. И обирая мизерах, единичные наталкиваются на протесты и негодования. Иногда они их подавляют, а иногда уступают им. Все зависит от тех или иных расчетов и условий. Так, если риск большой вперед, хотя бы при том была выгода крупная, власть имущие или сильные мира уступают, но лишь для того, чтобы впоследствии получить свое с процентами. Правда, иногда и их расчеты ошибочны, и тогда все маневры их им дорого обходятся, но в большинстве случаев они, а иногда их место кто займет, не ошибаются. Богатые и власть имущие, пребывающие на верхних ступенях общественной лестницы, имеющие всего вдоволь и ищущие еще больше почестей у себя дома и не входящие всего этого у себя на родине, бросают часто свой взор на чужеземные обители. Отсюда войны империалистические, разрешающие якобы всякие политические, экономические, социальные отношения, торговые связи разных государств.

Так как ныне, во всякой, так называемой, цивилизованной стране, благодаря развитию машин и техники вообще, продук-

тивность превышает сбыт или спрос, конкуренция не знает мер и границ.

Избыток товаров приходится сбывать за границей. Индустриально отсталые государства, преимущественно, являются покупателями. За их рынки очень часто индустриальным странам приходится воевать между собою, а то и колонизировать часть, или целое, в индустриальном отношении отсталое государство. Война же, подобно экономическому кризису, тоже есть одно из следствий мировых социальных зол. Всякое же социальное зло вытекает из эгоизма человеческого. Так, государство, защищая свои интересы или интересы одного класса, одной кучки людей, скажем, капиталистов, или вообще тех, кто является фактическими хозяевами страны, готово пожертвовать сотни и тысячи человеческих жизней, рисковать несметным достоянием, народом приобретенным. Для разрешения какого нибудь конфликта, касающегося интересов нескольких человек, ставится на карту судьба, достояние и жизнь множества людей.

В умеренное, так сказать, в более или менее нормальное, обыкновенное мирное время, как напр., до мировой войны, в Соед. Штатах, да и в европейских странах существовал своего рода известный экономический стандарт, некоторое экономическое равновесие. Самые богатые были всегда банкиры, индустриалисты, владельцы больших заводов, фабрик, да вообще купеческий или так называемый деловой люд: акционеры всех индустрий. Профессионалы: техники, доктора, учителя, артисты, адвокаты и им подобные, так называемые интеллигенты труженики, преимущественно, не находились в нужде.

Наоборот, некоторые из них успевали, хорошо устранившись экономически. За ними, по лестнице материального, да и по жалуй, социального положения, следуют магазиновладельцы и вообще розничные торговцы. Идеология этих (тоже трудящихся, понапрасну) людей сводилась к наживе и обогащению исключительно; к ним можно также причислить и мастеровых, т. е.

владельцев небольших мастерских. Все приказчики, продавцы, да и конторские служащие, хотя по положению своему суть пролетарии, тем не менее, по идеологии они сторонники наживы.

Они при первом удобном случае сами вступают в коммерческие сделки и занимаются торговлей.

Весь рабочий народ: заводские и фабричные рабочие, шофера, да крестьянский люд суть настоящий мнразой пролетариат. И хотя крестьяне в известной степени являются частными собственниками, тем не менее у них отсутствует настоящая испушенная опытом, идеология наживы, которой проникнут ум торговца. Ибо крестьяне — народ трудовой, в полном смысле этого слова, а не спекулянты. Конечно, в странах, где существует так называемая «свободная торговля», где поощряется нажива, всякий со «смекалкой» рабочий, любой служащий, или работник поля может попробовать «свое счастье» в торговом деле.

Многие, сообщая, по несколько человек, часто вкладывая небольшие капиталы, открывают фабрики, мастерские. Благодаря счастливым случайностям, тем или иным благоприятным условиям, эти бывшие пролетарии наживаются; и тогда они оказываются такими же эксплуататорами, какими были их хозяева.

В этом отношении, судя по своему положению, никто не является исключением. Все, очутившись на своем особом условном месте, эксплуатируют своих рабочих, служащих. Ибо на этой эксплуатации, главным образом, основаны их успехи и всякая нажива.

В общем, всем вышеупомянутым категориям народонаселения почти каждой цивилизованной, индустриальной страны жилось неплохо. К этим общественным классам следует еще причислить государственную машину, состоящую из полицейских, гражданских, федеральных и других властей, да всех военных и всяческих тайных и явных чиновников и шпионов. Эти лю-

ди не есть профессионалы, или специалисты, а просто своего рода хозяева и служащие государства.

Во всякой стране они поддерживают преобладающий элемент или класс, да существующий порядок. В экономическом отношении они, без особых забот, хорошо устроены: оклады некоторых из них, занимающих видные места, очень велики. Многие из них, как то: большие сановники часто имеют вклады в разных банковских или вообще финансовых и торговых предприятиях.

Итак, политические или государственные деятели, как и коммерческие предприниматели, везде и всегда зарабатывают много, ничего сами не производя.

Это уже с самых давних времен существует такой скверный и несправедливый социальный порядок, оправдывающий такое несовместимое с логикой явление: кто в поте лица трудится, тот меньше всего извлекает пользы и наоборот, кто меньше всего трудится, а распоряжается всем, тот во много раз больше других получает. И соразмерно с существованием тогда более или менее «здоровых» экономических условий, всякий почти был доволен, в известной степени удовлетворен своим материальным положением. Но вот разразилась война в Европе. Потребовалось безконечное количество амуниции и неистощимый запас провианта.

Воевавшие государства не успевали производить и строить взамен всего разрушенного и уничтоженного. Соед. Штаты и другие государства, тогда еще не участвовавшие в европейской войне, занялись приготовлением амуниции и всевозможных товаров, требовавшихся воевавшими странами. Все было продано по хорошей цене. С большими барышами фабриканты и вообще владельцы всякого имущества повысились и заработки рабочих и служащих. Война пожирала людей и несметные богатства; недостаток ощущался во всем, а поэтому и все вздорожало. И с начала войны в Европе и со времени вступления в нее С.Ш., сплошь до той поры,

тогда воевавшие страны не оправились от военного кошмара и принялись за труд и индустрию, на этом континенте было экономическое благополучие. Безработных почти не было. Наоборот, нехватало рабочих рук. Нищих не видеть было; бедных тоже не стало. И было здесь золотое время преуспеяния.

Во время баснословного материального процветания стран, ведших торговлю с нуждающейся Европой, появились сотни новых миллионеров не только в С. Ш., но и Японии и других больших и малых государствах. То было время разгара больших барышей и хороших заработков. Даже все новозобретенные машины тогда, не только за время войны, но и долго спустя, не успевали производить все необходимое для потребления разорившихся заокеанских стран. Какое то материальное опьянение повисло над головами людей, не принимавших прямого участия в войне. Все стремились нажиться на войне, разбогатеть. «Кровавый пир был на весь мир». На костях убитых на полях сражения, даже там в тылу, да в обеспеченности в невоевавших странах, во помогавших войне, справляли ознаменовавшийся прогрессом великий экономический праздник.

В С. Ш. спекуляция развивалась в высшей мере. Большие предприниматели с особым азартом вздували свои акции. Многие легкой наживы и падкие на всякие комбинации, мелкие эгоистичные люди закупали эти бесценные бумажки, называющиеся акциями, якобы обеспеченные золотом, в сущности же никакой цены не имеющие. И что же случилось?

Все эти несчастные люди дорого заплатились. Похитрее кто — сбили их с пути, обманули их. Дело в том, что большие финансисты, фактически владевшие всем достоинством страны и немогущие потерять, предвидели и создали крах, за которым, точно по сигналу, и последовал экономический кризис.

Он явился главным образом, как неизбежное следствие застоя коммерческой жизни страны. Этим временем сильно раз-

вившаяся техника, сократив рабочие руки до минимума, тоже не предвещала ничего хорошего, как в отношении заработков, да работы вообще, так и в смысле оценки самих предприятий, которые выпустили бесчисленное количество акций, неизмеримо переоценив таким образом стоимость всякого имущества и фабрикатов.

Пришлось ликвидировать высокую оценку всего, что и привело к обесценению всех почти предприятий, а с этим пала цена на все акции.

Выпустившие эти мимо - высоко оцененные акции ничем, конечно, не рисковали. Они ничего и не потеряли. Наоборот, при продаже их они получили в несколько раз больше действительной стоимости их или своих затрат на те предприятия. Все, кроме тех, которые действительно владеют основными капиталами, вложенными в дела, потеряли чуть ли не все свои вложения; многие совершенно обеднели. Между тем, прежде воевавшие европейские страны уже успели оправиться и вступить в свою колею развития индустрии, продукции и с новыми машинами в состоянии были сами удовлетворить всем своим материальным нуждам.

Соед. Штаты, да и другие государства, ведшие большую торговлю с воевавшей Европой, вынуждены были теперь застопорить большое количество своих новозобретенных машин, а с этим отпустить на все четыре стороны армии тружеников.

Банкиры, финансисты, фабриканты, строющие и развивающие свои дела и предприятия исключительно для выгоды своей, для прибыли, потерявшие рынки сбыта за-границей, как и у себя на родине решили, что лучше капиталам недействовать с риском, да и закрыть некоторые заводы и фабрики, в столь неблагоприятное время, которое так злобно наступало.

А вот эти самые финансисты и предприниматели, дав взаймы денег и продав амундцию и товары с большим барышем европейским странам и почуявши риск своих капиталов заставили граждан Соединенных Штатов, братьев своих по родине, при

помощи, конечно, правительства «из народа избранного и для народа существующего» пойти войной в Европу для спасения своих вложений, для обеспечения своих богатств, народом созданных. С углублением кризиса заводы и фабрики, да вообще все торговые предприятия, открыли между собою страшную конкуренцию. Этой коммерческой войной пятьдесят процентов были выбиты из строя: ликвидировали, банкротировали и «исчезли без вести».

С этим армия безработных возросла. Оставшиеся, упавшие фабрики и торговые дома, в виду небольшого спроса на товары и продукты не прекращали злостной конкуренции; все это, конечно, производятся преимущественно за счет рабочих, крестьян и служащих. Эти люди всегда являются козлами отпущения всех социальных грехов общества.

Правда, с большим понижением цен на все предметы потребления, всякое производство упало, цена на имущество понизилась и упала и все благосостояние страны. Эксплуатирующий класс — хозяева истолковывают, что благодаря тому, что все упало, стоимость денег повысилась. И если валюта имеет большую ценность, нет нужды в больших заработках рабочему.

Но это неверно, ибо в сравнении с годами материального успеха, заработок рабочего всегда был ничтожен. Но противники этого мнения истолковывают как раз обратное, что в годы прогресса рабочие зарабатывали слишком много по сравнению с барышом хозяев.

И теперь, все как будто входит в свою колею «нормальности». Они прибавляют: рабочие должны удовлетворяться своим настоящим заработком и положением. (Тут ничего не говорится о том, что 25 проц. рабочих вовсе лишены работы и заработка, да не имеют дела, а 25 проц. работников не полное время, а с этим и зарабатывают половину обыкновенного).

Из этого видно, что крупные финансисты и предприниматели ничего не теряют от такого положения — хаоса, когда

им удастся отнять у народа его последние копитки и держать его в верном рабстве. Маленький фабрикант и средней руки торговец, как бы исчезают. Остаются крупные акционеры фабрики, да универсальные магазины, рабочие и служащие. Итак, дельцы и предприниматели средней руки выбиты из экономического строя крупной конкуренцией, да потерей капиталов благодаря банковским крахам и падению акций, держателями которых они являлись. Также профессионалы и квалифицированные рабочие, да все те, кто хорошо или умеренно зарабатывали, ныне потеряли чуть ли не все свое состояние, будучи вкладчиками банков, держателями облигаций, как и лишены занятий и постоянной работы.

Таково приблизительно общее положение экономического кризиса в Соединенных Штатах. В других странах, как более бедных, в несколько смягченной форме, приблизительно то же самое.

Почти все народонаселение мира, за некоторыми исключениями, в известной мере терпит, болеет и страдает от экономического кризиса.

При том, следует заметить, что нынешний кризис более многих, если не всех предыдущих, является более опасным и грозит остаться хроническим. И это весьма понятно. Капиталистическая система, дышавшая энтозмом, им созданная, развиваясь и держащая, и продолжает на нем ложно базировать свою будущность, становится все менее способной помочь более опасному критическому ныне положению. Зато она начинает все больше пожирать самую себя.

Не замечая вещей вокруг себя, да не видя ничего впереди, и главное будучи бесчувственна, система эта, медленно, но верно идет к гибели. И никто и ничего из нее самой не в состоянии предотвратить ее гибель. Ибо не в силе неправда пойти по праведному пути. Поэтому и все меры, ныне предлагаемые спасителями капитализма, его социального и экономического строя, со всеми изобретателями его реконструкции и исцеления для

уничтожения кризиса так тщетны; в сущности же они ничтожны.

Можно на время переправить и заплатать прогнившую вещь, но вдунуть в нее новую струю жизни, невозможно. Так и капиталистический строй, основанный на эгоизме, держащийся на бездушии, лжи и лицемерии, на насилии, эксплуатации и несправедливости, не согласующейся с природой человеческой, — обречен. И какой социальный строй не придет ему на смену, если он не будет построен на единодушии, духовном братстве, да не лишен эгоистических погуг, не будет благотельным для человека.

Общее равное благополучие, как и справедливое социальное обезпечение, должны вытекать из нутра человеческого, впоследствии облагороженного разумом, но никак не из хитрого, придуманного, сухого умозаключения. Не в том спасение от положения, чтобы самому много иметь, да ближнему помощь оказать, крохи прибавить, да вообще разделить немногого среди многих, в то время, когда всего есть в изобилии для всех. Это лишь будет повторением пройденного в немного ином виде. От таких, да подобных методов «улучшения» экономического положения, большинство ничего в сущности не выиграет.

Временно лишь, да и то не все, получают возможность опять продать свой труд, эвергию, свободу и волю за бесценок. Все же социальное зло в общем будет чередоваться еще в большем виде. Ибо улучшения своего положения ждуг не только безработные и рабочие, но и все ростовщики, купцы, банкиры, спекулянты и все остальные паразиты современного общества.

И в самом деле, с тех пор, как представители государственные, да экономисты — ученые заговорили о необходимости повышения цен на предметы потребления, как и стоимости производства, значит рабочего труда, спасаясь от полного банкротства страны, первыми за дело взялись спекулянты. Коммерческий и деловой люд, в особенности крупные промышленни-

ки, всяческие предприниматели и перекупщики, словно черви из болота повывлазали, чтобы снова загрызть рабочий народ и еще более беспощадно эксплуатировать всех тех, кто в той или иной мере в зависимости от них. Все хотят вернуть себе все потерянное с прибылью, да еще больше обогатиться впоследствии.

Так, на многие предметы, труд производства которых был куплен еще за безценок, уже повысилась цена. Таким образом все дорожает заранее, да не в меру даже с будущим повышением заработной платы рабочих.

Ясно, что всевозможные владельцы капиталов, да орудий производства опять ищуг наибольшую прибыль от всяческих экономических переустройств для себя исключительно, нисколько в значительном смысле не считаясь с трудящимися. Да ничего иного ожидать не приходится в системе, где все основано на несправедливости, обмане, эксплуатации и угнетении человека человеком.

Никаких основных радикальных перемен не внося в заевшую самую себя систему махинаций и лжи, бьющаяся, как рыба о лед, современная буржуазия не знает, а с этим и не находит настоящего выхода из создавшегося положения. И не удивительно, что современные ученые, занимающиеся придумыванием реформ, выпуском коканна в прогнивший строй, вместо прописания положительного средства, заключающегося в освобождении от него. Не жизнь и отношения людей до того запутаны, что в существующих противоестественных условиях обещания, большинство людей, точно одурманенные долгим пребыванием в гипнозе, лишены всяких чувств меры, чтобы быть в состоянии ясно определить в чем они, как целое, действительно нуждаются для своего благополучия и спасения.

Способные индивидуумы не сделали учеными для того, чтобы спасти и осчастливить людей, но учились они для того, чтобы лично хорошо устроиться, да приобрести славу. Кто же может им теперь официально доставить все это, если не те,

кто вечно заводит людей в тупик, а сами распоряжаются всем положением и благами. Только те, которые непосредственно платят за труды всех, в том числе и ученых, являются хозяевами и вершителями судеб народных. Для них и работают почти все ученые.

Итак, не в одних званиях и уме суть все, не от них только зависит дело освобождения от всяких социальных зол и пессимизмов, в том числе от экономических кризисов, со всеми их последствиями. Но все зависит от роста духовного состояния человека.

Временные передышки и враг дает угнетенному, но только для того, чтобы снова закрепостить его, в ином непонятном для него виде. Так и современные чинители существующего строя: на время поправят, наладят все, чтобы впоследствии опять ободрать простаков. Ученые только то и делают, что поют с ними в унисон. Дело полного освобождения от всяких систем угнетения и эксплуатации, со всеми трагическими последствиями, являющимися в свою очередь неизбежными продуктами их, как и всякое зло, рожденное эгоизмом, зависит всецело от воли духа и сознания чувства человеческого.

Пока люди не осознают себя самих и не поймут друг друга, покуда не будут заботиться о ближних не менее чем о самих себе, покуда не перестанут служить прагам своим, эксплуататорам, и не начнут служить всем тем, кто действительно нуждается в них, до той поры существенных, коренных перемен ожидать не приходится.

Люди должны быть в состоянии увидеть себя самих в положении ближнего, в лице каждого и всякого, находящегося на одинаковом с ним, или низшем уровне экономического и социального положения, чувствовать за всякого из них не только меньше, но даже больше, чем за себя самих, наконец, строить и делить заодно общую участь.

Только трудовой люд, творец и создатель всех без исключения благ и достойный материальных, как и моральных, ма-

шин и искусств, всевозможных учений и высоких догматов, сеятель наук и знаний, только он — трудящийся не напрасно — суть единственный и главный элемент человечества, который может и должен положить начало новой эре. Ибо от него зависит вся индустрия, всякий успех экономического, самая жизнь человеческая. Сила и воля мировая всецело находятся в распоряжении трудовых продуктивных людей.

Не спекулянты и банкиры, не купцы и барышники, не политики и военные, не окончившие юристы и судьи дают возможность жизни и всех материальных и духовных благ человечества, но только рабочие, крестьяне и ученые — все продуктивные трудовики. И самые честные, великие и полезные из них это те, которые с сознанием и чувством человеческого достоинства считают себя обязанными всему роду и каждому индивиду во всем, как и ответственными перед собой за их жизнь и благополучие. А таковыми должны и могут быть все люди.

Великая вечная и высокая обязанность перед собой, в ручательстве за ближнего никогда не исчезнет, ибо не может умереть в душе, подобно тому, как не может остыть любовь человеческая.

И чем больше очеловечивается душа и отделяется человек инстинктом своим от животного, тем больше чувствует и сознает он свою близость к себе подобному, и тем больше поле деятельности открывается перед ним.

А только деятельные, способные, трудолюбивые люди суть настоящие таланты (безразлично в каком деле — занятии, или отрасли индустрии не участвовали бы они, лишь бы то было на благо кому либо), которые так необходимы человечеству и в которых мир будет всегда нуждаться и высоко ценить.

Кто больше труда и энергии отдает на благо и пользу ближним, по доброй воле и желанию с полным сознанием своей деятельности, тот уже одним этим приобретает и личный успех и радость исполненного долга. В этом и состоит счастье человеческой жизни.

Покуда же будет преобладать идея «всякий и каждый для себя», — ничтожен будет мир и не будет всеобщего счастья. Итог, дать возможность ближнему ощутиться на моем лучшем положении или принимать прямо или косвенно всестороннее участие во всяком успехе общечеловеческом, с сознанием права каждого на одинаковые со мной блага жизненные, — должно стать самой великой задачей каждого индивидуума. Только путем улучшения положения общего, в особенности безработных, и тех, чьи заработки упали или вообще ничтожны, можно было бы поднять благосостояние страны.

Но этого не случится, ибо сам кризис есть продукт, как раз противоположные мышления и чувства человеческого, каким должен владеть каждый, чтобы не докатилось общество до такой беспомощной экономической разрухи и пошлой социальной ступени положения, в котором оно очутилось.

И что нищий дух и жестокий разум человеческий посеял, то и пожнет народ, как одной, так и почти всех стран. Чего больше можно ожидать от современных общественных деятелей народных представителей, ученых и экономистов, чем ничемного суждения о причинах кризиса, деше-

вых подачек, да мизерной помощи нищеской; ничтожного увеличения заработков лишь для немногих.

Вся эта «поддержка и услуга» является ничтожным делом в смысле улучшения положения трудящихся и безработных, а для самих создателей этих планов пособий служит лишь суеверной религией.

Между тем, в одном лишь разумном единении, сплоченном духовным сознанием, вся сила народная, вся воля могущественная. Рабочий и крестьянский трудовой люд, в распоряжении которого находятся все орудия производства, которыми он фактически повседневно распоряжается и которому следует лишь друг за друга поручиться положением и жизнью, как без всякого сопротивления, смог бы совершенно освободиться от сегодняшнего, как и вечного своего жалкого, критического положения.

Всего есть вдоволь для каждого: труда и достоинства. Следует лишь все разумно, добросовестно и человечно разделить между всеми поровну. Это осуществится лишь тогда, когда люди поймут и почувствуют свое главное и истинное назначение на земле.

Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Много хлеба на Руси,
Только мы — голодны.
Все забрали богачи,
Отняли свободы.

Ружье за ружье задевая звенит,
Набат неумолчно повсюду гремит,
Крестьяне восстали, крестьяне идут,
Землю и волю народу берут.

Близок, близок день восстанья,
Передел земли.
Всех врагов, без колебля,
Примем в топоры.

(Припев)

Опустели все палаты:

Господа ушли.

Мы прогнали всех богатых

С матушки — земли.

(Припев)

Город-люду трудовому,

Вся земля — крестьянству,

Воля русскому народу

И долой начальство.

Ружье за ружьем задевая звенит,
Набат неумолчно повсюду гремит,
Крестьяне восстали, крестьяне идут,
Землю и волю народу берут.

А. А. КАРЕЛИН.

ПОТРЕБНОСТЬ В ИДЕАЛЕ

«Мы в спорах время лишь теряем,
 «Да добрым людям разум попрашаем.
 «Когда мыслей недостает,
 «Слова, слова пускаем в ход...»

ГЕТЕ.

Когда то люди массовые жили верой. Придурчивались к проповеди проповедника и выполняли приказы начальства. Только люди владевшие культурой имели свой идеал в жизни, мыслили собственным умом и рассуждали о том, что должно и нужно делать и что не должно и не нужно делать.

Все это объяснялось отдаленностью масс от центров культуры, отсутствием общения с прогрессивным развитием мысли и техники человеческой, недоступностью самой культуры и искусства благодаря их сконцентрированию в научных и художественных центрах и малограмотностью и даже безграмотностью масс.

Поэтому только малое меньшинство имело свой собственный идеал в жизни, а то время, как широкие массы людей жили в полуневежестве, покоренные верой и предубеждениями и руководимые религией и церковью.

Но прогресс человеческий развивался с невероятной быстротой. Общение между людьми становилось все интимнее, расстояния все укорачивались, и сейчас земля превратилась в небольшое поселение, где все, что творится известно всем. То, что совершается в одном конце земли, через минуты известно людям, живущим в другом ее конце. И сейчас осталось уже не так много людей, которые все еще живут в неведении о том, что творится на земле, или в стороне, где они живут и обитают.

Человек не может больше продолжать жизнь в своей норе, обособленной от окружающей его жизни. Волей или неволей, он вынужден участвовать в ней, действовать и активизировать в событиях окружающей его жизни.

Он действует сознательно или бессознательно, но он действует. Как человек или как машина, но он принимает участие

в событиях. Хочет он или не хочет, но он должен участвовать в событиях, а волей или неволей не только должен знать как действовать, но и иметь руководящие этические и общественные идеалы, научиться проводить их в жизнь и отстаивать от людей других интересов и мнений.

Но чтобы иметь собственный свой идеал, человек сам должен его вырабатывать и обосновывать. А это возможно только тогда, когда человек знаком хотя бы с главнейшими идеалами других людей. Ибо для того, чтобы смочь выработать и защищать свой идеал, так же как для того, чтобы быть в силах опровергать чужие идеи и понятия, которые человеку кажутся неправильными, необходимо быть знакомым с ними, знать их и знать почему они правильны или беспочвенны.

Всюду, во всех газетах, журналах, почти в каждом доме сейчас обсуждаются события жизни, дискусируются явления и идеи, и обойти эти вопросы невозможно. Они — часть жизни, они дают себя чувствовать на каждом шагу. От разрешения этих вопросов зависит судьба многих и многих людей, а иногда даже и целых народов и континентов.

Всякая идея, всякое общественное движение перестали быть интересами одной или другой группы людей в той или другой стране. Сейчас любая идея, любое движение разливаются широким потоком по всей земле, охватывают массы во всех странах мира.

Анархизм, социализм, коммунизм, фашизм и т. д., явления не местного или локального характера. В любой стране мира они находят свою среду и свой отклик, играют свою роль и имеют свое значение.

Поэтому всякий, кто хочет быть активным в своей идее, должен следить за этой борьбой мнений, идей, стремлений и помогать различным общественным группировкам и группам в лице их представителей, теоретиков и идеологов.

Потому что только те общественные

идеалы крепки и действенны, которые вырабатываются в борьбе и закалены борьбой, которые выдержали испытание борьбы, ибо борьба это — горнило для идеалов.

Но от борьбы настоящей необходимо уметь отличать простую болтовню. Ибо нередко случается, что болцом слывет самый обыкновенный болтун, или даже просто шарлатан. Эти за словами в карман не полезут; вместо одного слова, они способны сказать сто и с таким апломбом, что часто производят впечатление людей глубоко убежденных в том, что они говорят. Говорят они обыкновенно так много и с такой быстротой, что даже не успеваешь их слушать хорошо и понять, что они хотят сказать. Их многословие мешает понять их. Да иногда они и сами не понимают, что говорят.

Но таковое непонимание болтунам почти всегда на руку. Ибо непонятное мало разбирающимся людям кажется мудреным, а мудреное умным. И люди прислушиваются к таковой болтовне, не давая себе даже труда подумать над тем, что таковой болтун говорит, и разобраться в тех идеях, которые он излагает. И даже случается часто, что отдельные анархисты следуют за врагом этой идеи, или терпят болтуна или шарлатана в своих рядах только потому, что он способен говорить мудро и много, не смущаясь ни перед чем и ни перед кем.

Еще больше. Обыкновенно такую болтовню обсуждать невозможно. Да и говорить серьезно о ней невозможно. Но так как болтун обыкновенно не останавливается ни перед чем и в конце концов, когонибудь зацепит, то на эту болтовню начинают отвечать такой же болтовней. И тогда вместо борьбы идей начинается сорба слов и вместо изучения понятий и методов — личные оскорбления и самые гнусные персональные атаки.

А если болтун еще и нечестный человек, он ни перед чем не останавливается и в жару полемики грязнит и поносит даже те идеи, которые он старается защищать и проповедывать.

Особенно сильно это чувствовалось в последние годы, и чувствуется еще и сейчас. Целый ряд безчестных болтунов, а иногда просто и провокаторов, овладевают анархической пропагандой на русском языке и старательно разлагают анархическое движение.

Честные работники, к болтовне обыкновенно неспособные, не желают вступать в полемику с таковыми «деятелями». Они живут за счет своего труда, и свободные моменты отдадут на чтонибудь полезное, нужное и доброе. И получается, таким образом, что болтуны, способные на все и ни перед чем не останавливающиеся, привлекают к себе внимание масс, а иногда даже им удается руководить судьбой масс, в то время, как идейные работники остаются в стороне, делая свою скромную, но полезную работу.

Но что еще хуже, это то, что таковые болтуны, претендующие на «теоретиков» и «единственных» выразителей истинной сущности идеи, в огромнейшем большинстве случаев не в силах рассуждать и неспособны беспристрастно разбирать свой и чужие идеи. Потому что в большинстве случаев их словами владеют не рассуждения и знания, а чувства, а то просто прихоти. И когда нехватает идей, мнений, знаний и понятий, они прибегают к самым низким методам и приемам, чтобы уязвить своего противника. Стараются уязвить, уколоть кого только в силах, огрызнуться вплоть до личной жизни несогласных с ними.

Благодаря таковым приемам, обыкновенно и противник не в силах удержаться и не ответить на личные выпады и гнусные методы полемики и борьбы. И тогда разгораются страсти, теряется мера нужного и должного, и чувства эти захватывают и их в свою власть.

Где уж тут помнить об идеях и о самой сути борьбы. Борьба мнений замещается борьбой самолюбий. Дискуссия идей, — копанием в личной жизни друг друга, и обсуждение мнений — взаимным обливанием грязью и помоями. Доходя иногда до самых гнусных и безчеловечных вза-

янных обвинений, разрушают то движение, которое претендуют защищать, затемняют мысли многих честных людей и угоняют от идей многих, которые с ними сочувствуют.

Самое лучшее было бы не обращать внимания на болтунов. Во всяком случае, было бы полезно дать им выболтаться и успокоиться. Тогда бы и идейные люди и само движение много выиграло бы. К великому сожалению, не все в силах пройти мимо гнусности не протестуя, или обойти молчанием личные оскорбления и неопределения. И часто все это кончается тем, что под влиянием чувств и самолюбия, честные люди уходят от идей и даже переходят в другой лагерь и т. д.

Болтуны же, потеряв почву среди своих приверженцев, по большей части, изменяют своим убеждениям и переходят в стан своих вчерашних врагов. Ибо чаще и легче всего меняют свои убеждения люди, убеждения которых держались на связях и словах, а не на выстраданных идеях и делах.

Только те люди не изменяют идеалам своей молодости, кто в самых столкновениях с жизнью увидел неизбежность, возможность и благотворность их осуществления. Кто из всех идей действующих среди людей избрал ту, которая, по его мнению, в силах воздействовать благотворно на людей и повести их к выполнению и осуществлению всеобщего благосостояния и счастья.

Расширить свою собственную жизнь—это значит суметь распространить свой нравственный идеал не только на свою личную жизнь, но и на свою общественную жизнь, предъявляя к той и к другой те же основные требования.

Но более всего необходимо выработать в себе самое ясное, определенное мо-

ральное сознание, свою собственную мерку добра и зла, правды и неправды, справедливости и несправедливости, красоты и безобразия.

Будет у человека такая мерка, будет у него тогда и умение видеть жизнь собственными глазами, понимать и обсуждать ее таковой как он ее видит, не заниматься болтовней и не копаться в окружающей его грязи, а наоборот, будет бороться с этой ее грязью и в себе самом и в других и во всей жизни вообще.

Имея свой идеал в жизни, человек эту мерку идеальную будет прилагать ко всем людям и ко всей жизни, и все кругом него будет принимать другой вид: и люди, и события, и жизнь. Имея свой идеал, сам человек становится лучше и прекраснее. Идеал облагораживает самого человека и его взгляды на жизнь и на людей.

Ибо идеал это — маяк, который направляет всю жизнь и всю активность человека, маяк, который руководит его деятельностью и освещает ему путь в его стремлениях к созданию лучшего человеческого будущего и более благородной и нравственно — развитой человеческой личности.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Буэнос Айрес.

ТАИНСТВЕННЫЙ ВЫЗОВ

Анри вдохновеньем пожал жизни цветы.
Один наметил мечту! весь свет разбудил!
Но так прекрасен и волнующе-мил
Грозно сверкнувший вызов Анри.
Один наметил мечту! грозой пролетел!
Но в смерти, как девушка, девствен и мил,
Гимн любви он восторженно-звонко пропел,
Как Христос, свою чашу до дна испил.
И страшен и двойствен его орел;
Ся Янус двуликий, загадка безбрежная.
Мозг Анри это дерзкий и хищный орел,
Сердце Анри—сердце женщины кроткой и нежной.

Как управляется Советская Россия *)

:~:

Со дня захвата власти, в интересах ее укрепления, партия большевиков организовала «Политическое бюро», первым председателем которого был Ленин. В этом бюро находится девять старых членов партии большевиков.

Это то Политбюро, которое в ноябре 1917 года объявило «диктатуру пролетариата», ставшую скорее диктатурой над пролетариатом. Политбюро фактически является высшей верховной властью. «Президентом» страны считается Калинин, но он лишь выполняет волю Политбюро. Главный вдохновитель Политбюро — Сталин. Сталин — некоронованный царь в СССР.

В самом начале Октябрьской революции, большевики выработали конституцию для Сов. России. В силу этой конституции, вся власть в огромной стране принадлежит Всероссийскому съезду советов, созываемому раз в году. Этот съезд избирает Центральный Исполнительный Комитет, во главе которого, по сов. конституции, стоят по очереди представители «девяяти союзных республик». Публике фактически известен только один из них, — Калинин.

Всероссийские съезды советов, однако, созываются крайне нерегулярно: между последним и предпоследним — три с половиною года. За 17 лет в Сов. России было создано всего семь съездов. Последний Всероссийский съезд советов состоялся в феврале месяце 1935 года при участии около 2,000 делегатов. Для формальности этот съезд избрал Исполком из 607 человек.

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

России давно уже нет. Вместо России — СССР, — Союз Советских Социалистических Республик. Только иногда называют — Сов. Россия. Реже — в России, чаще — за рубежом. Советская Рос-

сия подразделяется на 11 больших республик и 7 малых. Автономия в этих республиках сводится к праву пользоваться местными языками и к праву руководить здравоохранением. Вся остальная политическая и решительно вся хозяйственная жизнь подчинены центру — Москве.

Всесоюзный съезд советов избирает ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет автономных республик, в который входят 150 человек. Кроме республик Сов. Россия делится еще на целый ряд «автономных» областей и округов.

Всесоюзный ЦИК назначает народных комиссаров — министров. Фактически все назначения зависят от диктатора Сталина. Как и при царизме, все должности занимают назначенцами, хотя их и называют избранными «волей народа».

СОВЕТЫ БЕЗ ПРАВ

Съезды советов — только ширма для прикрытия большевизмской партийной политики. В Сов. России существуют советы на местах, но они бесправны. Чтобы иметь право, нужна свобода слова, печати, собраний, организации и т. п. Большевики ничего этого не признают. За малейшую узкую критику, сов. гражданину грозит ссылка от 3 до 7 лет и даже «высшая мера наказания» — смертная казнь.

В Сов. России существуют фиктивные выборы в советы. Партия заранее назначает кандидатов из своих партийцев, или беспартийных, изъявивших согласие стать членами партии. Последних нарочно оставляют без партийных билетов, чтобы показать, что они — «беспартийные» и подлинные представители народа.

Комедия выборов разыгрывается в следующем порядке: стоняют на собрании, на котором оглашаются имена замеченных большевиками кандидатов.

— Кто против такого-то товарища? — спрашивает председатель собрания.

Все молчит. Председатель приказывает секретарю записать в протокол, что «избран единогласно».

*) Статья принадлежит автору книги «Что я видел в Сов. России», вышедшей на русском языке в 1935 году.

Если бы ктонибудь осмелился возразить против «кандадата», то такого смельчака через несколько дней арестуют глубокой ночью и без всякого суда и следствия сошлют на каторжные работы, называемые в СССР «исправительными».

ГРАЖДАНЕ БЕЗ ВСЯКИХ ПРАВ

Не все граждане в СССР имеют право голоса и имеющие право голоса, имеют право избирать равное количество представителей на Всероссийские съезды советов. Миллионы сов. граждан лишены права голоса. Среди них — бывшие и оставшиеся священники, бывшие помещики, князья, дворяне, фабриканты, домовладельцы, зажиточные крестьяне и их дети, а также и многие сов. граждане, совершившие значительные «преступления» перед сов. властью. Этого требует конституция правящей партии большевиков.

Этим советским лишенцам предоставлено одно право: работать, вносить исправно налоги государству и... умирать. И они живут так 18 лет. Их дети — советские дети. Они не знают, почему за прошлые своих отцов их лишили даже тех ограниченных прав, которые имеют остальные советские граждане.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

Граждане в городе и граждане в деревне (в том числе колхозники и совхозники) имеют не одинаковое право голоса. На Всероссийские съезды советов в городах СССР избирается один делегат от 25,000 сов. граждан. В деревнях — один делегат от 125,000 советских крестьян, разделенных на частников, колхозников и совхозников.

Это — в деревне, которая составляет 80 проц. населения СССР.

Советский крестьянин, таким образом, беднее в СССР в пять раз дешевле городского рабочего. Советский город угур-

ировал права деревни и правит ею. И неудивительно, почему в СССР между городом и деревней лежит бо́льшая пропасть. Эту пропасть образовали большевики, хозяйничающие в Сов. России.

Тайных выборов, как в других демократических странах, нет в СССР. Все это считается буржуазными предрассудками. Большевики о свободе много кричат в других странах. В СССР они припадают свободу только для себя, для правящей партии большевиков.

Правда, Съездом Всероссийский съезд советов решил пересмотреть сов. конституцию и уравнивать в правах советских граждан. Но пока ЦИК решит, а всемогущий диктатор Сталин одобрит и очередной съезд советов утвердит, пройдет много лет. И население от этого не станет ни жарко, ни холодно. Большевики всегда много обещают, но ничего никогда не дают.

Без свободы и права население Сов. России задыхается в тяжелой атмосфере, в которой многие не имеют ни малейшего представления за-границей.

МНОГО ЧИНОВНИКОВ

Сталинская система породила невиданный бюрократизм. В Сов. России больше чиновников, чем в нескольких европейских странах вместе взятых. В одной только Москве насчитывается до 300,000 чиновников. В тяжелой индустрии их насчитывается 874,400 человек. В учреждениях, выдавших выдачей хлебных карточек (отмененных 1 января 1935 г.), на первое января 1935 года числилось 50,000 чиновников. И оказывается, что чем больше чиновников, тем хуже для населения. Бюрократизм породил хвосты, очереди на станциях, в поездах, в лавках, на почте, в парикмахерских, в банках, словом везде и всюду.

Минский Мужик.

ВЛАСТЬ И МОГУЩЕСТВО

Анархисты стремятся создать безвластный строй общества. Анархисты в принципе отрицают власть и все, что с ней связано, но анархисты стремятся в то же время к могуществу, к тому, чтобы быть сильными для борьбы за лучшее будущее всех трудящихся и всего человечества.

Могущество и власть отличаются друг от друга тем, что власть есть такое могущество, которое направлено на то, чтобы угнетать других. Мы, анархисты, стремимся быть сильными, чтобы помочь бороться победоносно с насилием и угнетением, но никогда свою силу, свое могущество мы не употребим для порабощения. Наша задача — стать настолько сильными, чтобы мочь дать отпор всякой власти откуда бы она ни исходила.

Долго после того, как в какой либо стране утверждается строй, приближающийся к анархическому, останется еще опасность от попыток разных честолюбцев вновь вернуть власть и государственное устройство и мы должны быть готовы дать отпор, а это возможно только если мы будем достаточно сильны, достаточно могучи.

Но и задолго до этого, чтобы бороться за освобождение, надо быть сильным. Против нас борются могучие силы, и нам, чтобы победить, надо быть еще более могучими. Мы должны быть сильны численностью, сплоченностью, волей к победе, знанием, одним словом, всем тем, что может способствовать успеху борьбы.

Каждый из нас должен смотреть на себя не только как на мирного представителя данного направления, ведущего спокойную жизнь обывателя, но как на человека, готового каждую минуту на бой за свою или чужую свободу, как на воина, всегда бодрствующего на страже народного блага, как на бойца за угнетенных и эксплуатируемых.

Анархическое движение может стать могучим движением, если оно станет движением массовым, если многие пойдут в его ряды, а этого можно добиться энергичной пропагандой во всех областях и сре-

ди всех слоев населения, потому что не только рабочие и крестьяне, но и мелкая буржуазия, и интеллигенция поддаются нашей пропаганде. Но нужно знать как вести пропаганду среди тех или других групп.

Здесь нужно учесть все за и против по отношению ко всему, что может препятствовать или способствовать нашей пропаганде, что может к нам привлечь, или от нас оттолкнуть тех или других. Но мало одной многочисленности, необходима сплоченность крепкая, а между тем, у нас нет ничего подобного.

Любая партия организуется по всем правилам военного искусства. Каждая такая партия сильна только для захвата власти, но не для строительства жизни, ибо к творчеству партии не годятся. Каждая партия похожа на синицу в басне, которая хвалится зажечь море пока добивается власти, а как только ее достигнет, так не в состоянии выполнить и миллионной доли из обещанного. Поэтому нам нечего завидовать политическим партиям — их организация, их структура — структура и организация шайки ловких насилие, по стигнув не союз людей, строящих новые свободные формы жизни.

Поэтому мы должны принять те формы организации, которые являются в то же время формами новой общественности и которые также вырабатываются в процессе борьбы и строительства. Но ясно, что внешняя дисциплина политических партий у нас должна быть заменена чувством солидарности и взаимной ответственности, без которой, конечно, трудно представить себе существование прочной организованности, необходимой для ведения борьбы.

Последнее требование говорит нам, что в основе анархической общественности должна лежать анархическая этика, обосновать которую пытались и Бакунин, и Кропоткин, и Толстой. Без этики общественность невозможна, так как общественность не может осуществиться без соблюде-

ния договоров, а соблюдение договоров основывается на этических принципах, все равно сознательно принятых или же соблюдаемых бессознательно. Никакая общественность невозможна без этики, а тем более, анархическая, и таким образом мы приходим к необходимости овладеть областью познания, ибо только оттуда идут те начала, на которых возможно обоснование этических принципов. Мы должны достигнуть могущества в области познания и потому мы должны охватить все отрасли человеческого знания, чтобы вновь пересмотреть и переработать их сообразно с требованиями свободной личности, не с точки зрения раба или господина.

Таким образом перед нами лежат грандиозные задачи во всех областях человеческого бытия и мы должны быть сильными во всех них. Мы должны быть в них могучими, но не для власти, не для порабощения, но для освобождения.

До сих пор люди стремились охватить все это только для того, чтобы угнетать и эксплуатировать других людей, для того,

чтобы получить в свои руки власть. Теперь мы, анархисты, призываем человечество направить все эти силы для творчества, свободы и счастья народов, но не того счастья, которое мы или ктонибудь еще предпринимет, но для того счастья, которого захочет каждый сам себе. Каждая партия похожа на того деспотического отца, который и слышать не хочет, что его сын — народ — сам себе выбрал невесту, не желает признать за сыном права на свободный выбор жены. Каждая партия виновата в снохачестве, ибо женив сына на «Свободе», сама живет с ней, как с своей собственной женой, предоставляя народу восторгаться «свободой» издали.

Наша задача быть настолько могучими, чтобы мочь добыть для народа освобождение и действительно осуществить его.

Да здравствует же мощь нашего движения, ибо она принесет народу его свободу, так как анархизм и есть вечная мечта народов.

..

А. С.

АНАРХИСТКА

А. А. Боровому.

Песнь моя звенит свободно:
Я—сестра свободных муз:
Славлю песней всенародно
Анархический Союз

«Люди—мне родные братья.
Верю в гибель злых времен».
Так хотела-б начертать я
На шелках родных знамен.

Черной розой уродилась:
Я—дитя Родной Весны,
И не мне-ль одной открылась
Тайна солнечной страны...

Где-то веет тень паризма...
Совесть Каина в крови...
Но в сиянии Анархизма
Светит свет живой любви.

Белый призрак не спокоен:
Ищет крови, как вампир...
Но красив, велик и строен
Мой любимый новый мир.

Я разсею мрак паризма.
Брось винтовку, милый брат.
Здесь под солнцем Анархизма,
Для усталых—нежный сад.

В нем—чудесное растение,
В нем цветущий океан
И простор и исцеленье
Для твоих открытых ран.

«Черной Розой» — уродилась:
Я—дитя Родной Весны.
И не мне-ль одной открылась
Тайна солнечной страны...

«Люди—мне родные братья.
Верю в гибель злых времен».
Так хотела-б начертать я
На шелках родных знамен.

Песнь моя звенит свободно:
Я—сестра свободных муз.
Славлю песней всенародно
Анархический Союз.

..

ОЛЬГА ПРИМОРСКАЯ.

А—М.

ПРУДОН

С представлением о Прудоне у большинства русского полубообразованного общества неразрывно связано представление о человеке, произносящем знаменитую фразу: «собственность есть кража». Невежеством и поверхностностью люди, выхватившие эту фразу из весьма обстоятельного рассуждения Прудона о собственности, принялись играть ею, как клоун в цирке, выворачивая ее наизнанку, утверждая, что согласно Прудону и всякая кража есть собственность, и что Прудон проповедует воровство. Люди очень часто готовы клеймить и называть безнравственным то учение, которое обнаруживает их умственное или нравственное убожество. Это пришлось испытать Прудону на самом себе.

Однажды во французской палате депутатов известный политический деятель Тьер, отвергая какое-то предложение Прудона, касавшееся государственных финансов, сделал намек на то, что подобные предложения могут исходить лишь от людей нравственно испорченных. Тогда, как передает Герцен, поднялся Прудон и с своим грозным и сутуловатым видом коренастого жителя полей, сказал улыбающемуся старикашке: «Говорите о финансах, но не говорите о нравственности, я могу принять это за личность, и вам уже сказал это в комитете. Если же вы будете продолжать, — я вывожу вас на дуэль (Тьер улыбнулся). Нет, мне мало вашей смерти, этим ничего не докажешь. Я предложу вам другой бой. Здесь, с этой трибуны, я расскажу всю мою жизнь, факт за фактом, каждый может мне напомнить, если я что забуду забуду или пропущу. И потом пусть расскажет свою жизнь мой противник!» Глаза всех обратились на Тьера: он сидел хмурый, и улыбки совсем не было, да и ответа тоже.

Враги Прудона молчали, гордые защитники нравственности не знали, что сказать.

Как бы мы ни отнеслись к этому фак-

ту, несомненно одно, что сделать своим врагам подобный вызов мог только человек такой нравственной чистоты, которому не было стыдно раскрыть свое прошлое перед всем миром.

Прудон родился 15 января 1809 года в Безансоне. Отец его был бедный крестьянин, работавший всю жизнь, но желавший дать сыну образование. Крайняя бедность не позволяла получить Прудону всех сведений, какие дает гимназия, так как, окончив курса, он должен был собственным трудом добывать себе пропитание, служа то наборщиком, то корректором в различных типографиях.

Знаменитый освободитель Италии Гарибальди говорил, что он никогда не брал уроков фехтования, как то делали его знатные соотечественники, но научился владеть саблей, когда ему пришлось защищать свою голову от неприятельских ударов. Точно также и Прудон получил свое образование не из уст школьных учителей, а около типографской кассы, по мере перечитывая все книги, которые приходилось набирать или корректировать. Так, держа корректуру перевода Библии, он научился еврейскому языку. Набирая Согословские сочинения, он получил разносторонние сведения и в этой области.

Блестящие способности Прудона, вызвавшие им в своих первых сочинениях, обратили на талантливого самоучку внимание безансонской академии, и она в 1838 году назначила ему стипендию, чтобы дать возможность усовершенствоваться в науках. В следующем году та же академия присудила Прудону медаль за сочинение на тему: «О пользе празднования воскресенья». В этом сочинении уже чувствовались те идеи, которые впоследствии обезсмертили имя Прудона, но академия не замечала надвигающейся грозы. В 1840 году появилось знаменитое сочинение Прудона: «Что такое собственность», от которого

академия пришла в смущение, как курица, высиживая утенка. С этих пор между Прудоном и хранителями общественных устоев образовалась пропасть, расширявшаяся с каждым годом. В 1846 году вышло в свет не менее знаменитое сочинение: «Система экономических противоречий, или философия нищеты». Книга имела огромный успех, и против Прудона ополчились уже не заурядные и малообразованные социологи, а люди науки и политические деятели. Карл Маркс назвал эту работу Прудона «нищетою философии».

Чтобы дать своим воззрениям более широкое распространение, Прудон стал издавать газету «Представитель народа». Французское правительство ее погубило. Он стал издавать новую газету «Народ», с ней случилось то же самое. Солдаты ворвались в его типографию, сломали станки и разбросали шрифт. Упрямый крестьянский сын тотчас же после этого разгрома затеял издание новой газеты — «Голос народа». У него не было денег. На помощь явился знаменитый русский писатель Герцен, и они вдвоем стали вести газету. Газета просуществовала недолго. Систематические преследования правительства погубили ее. Прудон сидел безвыходно в тюрьме вплоть до 1852 года. Герцен был выслан из Франции. Литературная деятельность Прудона мало по маду утратила политический характер, и его дальнейшие работы были большей частью строго научного направления.

Что же было в сочинениях этого упрямого самоучки, что возманивало против него людей самых различных воззрений и партий и заставляло относиться к нему с глубоким уважением лишь немногих изобранных?

Прудон был самоучка. Никакая научная система не сжимала колодки его мозг. Ко всякому вопросу он подходил без предвзятого благоговения, подходил поступью свободного человека и начинал ломать все, что мешало ясному пониманию, срыпывать все, что скрывало истину от взора исследователя. Он, как Сократ, не останавливался ни перед какими авторитетами и

с помощью своего могучего ума разрушал все человеческие идолы и предрассудки, какими бы священными они ни казались людям.

Законы, государство, собственность — все это кумиры, перед которыми преклоняются люди, и вот главным образом против этих то кумиров и направляет Прудон свои меткие удары. Прудон сам называет себя анархистом.

— Какой форме правления следует отдать предпочтение? — ставит он вопрос.

— Как можете вы спрашивать об этом, отвечает читатель: ведь вы республиканец.

— Конечно, республиканец, но это слово слишком неопределенно. *Res publica* значит дело общества; итак всякий, кто при какой бы то ни было форме правления желает делать общественное дело, может называть себя республиканцем. И кроме того также республиканцы.

— Так вы значит демократ?

— Нет.

— Как, неужели же вы монархист?

— Нет.

— Либерал?

— Упаси меня Бог.

— Так значит вы аристократ?

— Никаким образом.

— Вы желаете смешанной формы правления?

— Еще того менее.

— Так кто же вы такой — наконец?

— Я анархист.

Основой своего учения Прудон считал справедливость. Отношение между людьми должны быть построены на справедливости.

«Я должен относиться к своему ближнему, говорит Прудон, с таким же уважением, как к самому себе, и, насколько возможно, содействовать тому, чтобы и другие относились к нему точно также: этого требует от меня совесть».

Ради чего я должен уважать ближнего? Ради его силы, его способностей, его богатства? Нет, это все внешности, которых я не должен уважать в человеке. Так, может быть, ради того уважения, которое он с своей стороны оказывает мне? Нет,

справедливость выше и этого основания. Она требует уважения человеческого достоинства даже по отношению к врагу... Я уверяю в ближнем не то, чем одарила его природа, или чем украсило его счастье, ни воля его, ни осла его ни рабство его, как говорят десять заповедей; также и не то добро, которым, как я ожидаю, он оплатит мне; я уважаю в нем просто человека».

Почему человек должен подчиняться требованиям своей совести? Почему он должен быть справедливым? Этих вопросов Прудон не касается. Он избегал отрывать ся от земли. Основным началом справедливости он считает чувство личного достоинства, которое человек сознает не только в себе, но и в других людях. Справедливость, по его мнению, не зависит ни от какой религии, хотя она до сих пор постоянно с нею смешивалась.

Отрипая религиозное начало справедливости, Прудон считает ее самым высшим законом, «определяющим и упорядочивающим неопределимые и противоречивые факты общественной жизни». «Все, что наша мудрость знает о справедливости, замечает Прудон, содержится в знаменитом изречении: поступай с своими ближними так, как ты желаешь, чтобы поступали с тобою; а чего ты не желаешь себе, того не делай и ближнему».

Основываясь на идее справедливости, Прудон отрицает все законы, считая, что отношения между людьми могут определять ся только посредством свободного договора.

«Я готов вступать в договорные отношения, — говорит он, — но я не желаю никаких законов; я не признаю ни одного из них; я оставляю за собою право не подчиняться никаким принудительным требованиям, которые предъявляет ко мне будто бы необходимое начальство. Законы! Мы знаем, что они такое и чего они стоят. Они юнги как паутина для могущественных и богатых, но крепче самых прочных цепей для бедных и малых мира сего; это рыболовные сети, разставляемые правительствами».

Отрицая законы и ставя на их место

договорные отношения, Прудон точно так же отрицает и государство, которое создает принуждение над личностью вместо договора. Он не только отрицает его полезность, но даже считает, что существование его в особенности противоречит справедливости.

«Никакая монархическая власть не может быть законна, — говорит Прудон. Ни наследование, ни избрание, ни всеобщее голосование, ни достоинства правителя, ни религиозное утверждение не могут сделать ее законной». Республиканское правительство, по мнению Прудона, почти не отличается от монархического. Когда во Франции правительство второй республики выработало после продолжительной работы свою конституцию, Прудон сказал: «Я подаю голос против вашей конституции, не только потому, что она дурна, но и потому, что она конституция».

Все партии, по мнению Прудона, без исключения, раз они стремятся к власти, представляют лишь особые формы самодержавия; и не будет существовать свободы для граждан, порядка в обществе, единения между рабочими, до тех пор, пока, вместо того, чтобы верить в правительство, мы не откажемся от него раз навсегда. Справедливость требует, чтобы государство было заменено иной формой человеческого общежития, основанной на договоре. Такую форму будущего устройства Прудон называл анархией и федерацией.

В этом новом обществе, людей будет соединять не какая либо верховная власть, а исключительно сила договора, и следовательно лишь собственная воля человека, создающая этот договор, будет для него законом. Поэтому в обществе, построенном исключительно на договоре, будет действительно царствовать свобода. Люди будут соединяться в группы, группы будут в свою очередь образовывать общины, общины будут объединяться в округа и провинции, которые будут вступать в договоры с другими провинциями и т. д. Все должностные лица должны выбираться населением посредством голосования. Для объединения дейст вий этих лиц они сами выбирают начальников,

которые в свою очередь выбирают своих высших руководителей и т. д. Высшая законодательная власть должна принадлежать народному собранию, избираемому всеобщей подачей голосов. При такой организации, по мнению Прудона, полный порядок будет совместим с полной свободой. Кроме законов и государства, стесняющих свободу личности, Прудон указывает еще на третье и, быть может, главнейшее врата свободы, а именно на собственность.

«Собственность есть кража», говорит Прудон. Кража она потому, что противоречит справедливости, потому что нельзя найти никакого основания, которое могло бы ее оправдать.

Она не может быть основана на праве завладения, потому что каждый обладает этим правом в силу своего существования, а раз один владеет собственностью, а у другого ее нет, то уж справедливость нарушена. Труд точно также не может быть основанием собственности, потому что справедливо, чтобы человеку принадлежали лишь плоды его труда; но ведь трудиться можно лишь над чемнибудь: над землей, над материалом и т. п., а эта земля или материал не могут быть по справедливости собственностью человека.

Не может быть собственностью основана и на взаимном соглашении, потому что, если несколько человек уступают одному и собственность известную ценность, то значить они отказываются от своих прав на нее; но для того, чтобы уступить собственность другому, надо сперва иметь самому права на эту вещь. Кроме того, такая уступка может быть лишь временным договором. так как каждый день рождаются новые люди, не участвовавшие в прежних договорах и в силу своего существования имеющие одинаковые права с другими людьми на все земные предметы. Еще меньше может быть основано право собственности на давности владения; так как если я взял чужую вещь, то держи я ее один час, или десять лет, или сто, она от этого не делается моей. Таким образом Прудон не может признать право собственности и

считать ее лишь замаскированным видом воровства или грабежа.

Прудон считает воровством не только то, что обыкновенно понимается под этим словом, т. е. присвоение чужого имущества посредством насилия или обмана, но и всевозможные способы присвоения продуктов чужого труда, как то: игру в карты, лотереи, работорговство, взимание ренты во всех ее видах, получение прибыли представляющей вознаграждение, следуемое данному лицу за его работу, всякие незаслуженные жалования, жирные оклады и т. п. «Открытое употребление насилия и хитрости, — говорит Прудон, — уже с давних пор всеми было признано непозволительным, но еще ни один народ не доразвился до того, чтобы освободиться от воровства, связанного с известными видами пользования талантом, трудом и имуществом». В этом смысле Прудон называет собственность «воровством», «эксплуатацией слабых сильными», «противозаконной», «самоубийством общества». Собственность, в том виде, как она существует теперь, должна исчезнуть и замениться формой распределения продуктов труда, основанной на договоре. Итак, когда Прудон, во имя справедливости, требует известного распределения собственности, то это значит лишь, что в результате договоров, на почве которых возникнет новый общественный строй, создается известная форма распределения и при том такая, при которой каждому члену общества будет обеспечен продукт его труда.

Считая, что главнейшей причиной нищеты и большинства общественных бедствий является нарушение справедливости при обмене продуктов труда, Прудон решил основать обменный банк, одной из главных целей которого было дать возможность рабочим обходиться при обмене своими изделиями без посредничества торговцев. Рабочие должны были приносить свои изделия в банк и получать взамен их билеты банка, сообразно количеству затраченных часов труда на изготовление принесенных изделий. На эти билеты рабочие могли по-

лучать, при посредстве того же банка, необходимые им предметы.

Тюремное заключение, которому подвергся Прудон за слишком резкое выражение своих идей, помешало ему осуществить задуманное предприятие. Прудона многие считали каким то чудовищем, готовым потоками крови залить существующий мир для того, чтобы на его развалинах могли совершаться дикие оргии стервонников безпорядка. Между тем, этот боец за справедливость был бесконечно далек от мысли о казном либо насильственном разгроме старых порядков. Он не признавал никакого иного средства воздействия на людей кроме убеждения. Он говорил, что необходимо, чтобы люди, узнавшие истину, убедили других, что справедливость требует изменения существующего строя. Никаких других путей Прудон не признавал.

«Нас, — замечает он, — призывают сначала произвести революцию и говорят, что тогда уже явится просвещение. Но ведь революция есть не что иное, как просвещение голов!».... «Несмотря на насилие, свидетелями которым нам приходится быть, я не думаю, чтобы в один прекрасный день свободе пришлось бы прибегнуть к силе, чтобы отвоевать свои права и отомстить за нанесенные ей оскорбления. Разум сослужит нам лучшую службу, терпение столь же непреодолимо, как и революция». «Раз люди убедятся в том, что справедливость требует изменения общественного строя, деспотизм падет сам собой в силу своей ненужности. Государство и собственность исчезают, право преобразовывается и наступает новое состояние общества. Революция находит союзников во всех угнетаемых и эксплуатируемых, ей достаточно появиться, чтобы весь мир открыл ей свои объятия. «Я желаю мирной рево-

люции. Для осуществления моих требований вы должны воспользоваться теми самыми учреждениями, уничтожения которых я требую, и применить те самые принципы, допознание которых составляет вашу задачу. Таким образом, новое общество должно явиться результатом свободного, естественного и необходимого развития старого, и революция должна означать не только устранение прежнего порядка, но в то же время и усовершенствование его».

В сочинениях Прудона встречается не мало противоречий. Можно оспаривать пригодность тех средств, которые он предлагал для изменения существующего строя, можно возражать против тех или иных сторон идеального будущего общественного строя, которые он старался наметить, но нельзя не признать за Прудоном большой заслуги, как разрушителя тех устарелых и вредных идей, которые мешают человечеству на пути к совершенствованию. Близорукие люди мечтают об исправлении тех или иных недостатков в законодательстве, — Прудон показывает им, что все законодательство никуда не годится. Они пытаются ремонтировать ветхое здание государства, — Прудон доказывает, что надо его сломать целиком от крыши до фундамента. Они хотят навести глянec на потускневшее понятие о собственности, — Прудон сдирает с этого понятия всю позолоту и показывает, что золото служило покрывкой для воровства.

Прудон не архитектор, который строит светлый храм для будущих поколений, но он своим сильным умом расчищает место для этого храма, сметал огромные кучи мусора, накопленные предками, и в этом тяжелом труде его великая заслуга и прелесть.

Отчет Райснной Конференции делотрудовцев и пробужденцев, состоявшейся 19-го апреля 1936 г. в городе Нью Йорке

После избрания председателя и секретаря, Конференция приступила к разрешению вопросов, имеющихся в порядке дня. Первый вопрос в порядке — чтение корреспонденций с мест:

1) Группа «Д. Т.» гор. Сант Луис, Мо. — Группа стоит за объединение двух федераций — «Дело Труда» и «Пробуждение». Можно прекратить издание двух журналов и на место их общими силами начать издавать один журнал. За полемику, по здравую. Редактором нового журнала пусть будет К. Г.—ко, а Редак. Колл. избрать на Конференции.

2) Союз Русских Тружеников г. Мон-треала, Канада. — С.Р.Т. за объединение всех анархических сил и чем скорее. Ис пробужденцы должны отмежеваться от газ. «Р.». Тогда только можно объединиться, начать издавать один журнал вместо двух и под новым названием — «Волна» или «Набат». Для издания нового журнала избрать Редакционную Коллегию и выдержанного редактора, который должен работать под контролем Редакционной Коллегии. Нужна здоровая дискуссия, но не руганная полемика. Общими силами издавать литературу Сакко и Ванцетти и др., выступать в профессиональные союзы и взаимопомощные организации и вести в них идейную работу.

3) И. П.-а г. Гартфорда, Конн. — Лично я за объединение и приветствую такое. Время настало объединиться, создать одну федерацию и вместо двух журналов «Д. Т.» и «П.» издавать один журнал и регулярно. Для этого избрать совместную Редакционную Коллегию. Издавать новый журнал без вредной полемики.

4) Группа «Д. Т.» г. Бетлеме, Па. — Для успеха анархического движения нужно вместо двух враждующих федераций «Д. Т.» и «П.» и двух печатных органов создать одну федерацию и выпускать один анархо - коммунистический орган. От этого наше движение много выиграет. Здоровая

полемика нужна и полезна для движения. Общими силами следует издавать новую литературу и иметь разездного агитатора. Группа распространяет «Д. Т.» и анарх. литературу.

5) Прогрессивный Клуб, г. Чикаго Илл. — П. К. стоит за объединение двух федераций в одну, но при условии, если пробужденцы решительно отмежуются от газ. «Р.». Мы за объединение, но против закрытия «Д. Т.». Если пробужденцы с нами не соглашаются, гораздо полезнее будет для движения не объединение, а кооперация.

6) Группа «Д. Т.» г. Акрон, О. — Приветствуем Конференцию и желаем успеха делегатам в разрешении общественных вопросов. Мы поддерживаем «Д. Т.» и распространяем его, содействуем и устраиваем лекции и доклады тов. Максимова. Разыгрываем одну вещь в пользу «Д. Т.». Стоим за объединение и издание одного органа. Против разлагательной политики. Она не приносит пользы. Нужно сообщить изжить ее. За разездного агитатора и участие в взаимопомощных организациях. Будем согласны с решением Конференцией остальных вопросов.

7) Группа «Д. Т.» г. Детройта, Мич. — Приветствуем Конференцию и желаем ей успеха в слиянии двух анархо - коммунистических федераций в США. Группа содействует изданию и распространению «Д. Т.» и др. органов на других языках, а также анархич. литературы. Содействовали организации «Клуба возвращенцев» и похоронам его: в нем было много фашистов и разлагателей. Стоим за объединение 2-х родственных федераций и слияние двух органов его; в слиянии образуется большая сила и мощь для нашего движения. Нужен один журнал и таким должен быть «Д. Т.». Но не новый журнал. Против газ. «Рассвет» как колониального органа печати, группа ничего не имеет, но думает, что шокировать в ней анархизм»

там не место. Для общего (в будущем) одного журнала «Д. Т.» нужна Редакционная Коллегия и редактор, которого мы рекомендуем т. Максимова. Пока будут два журнала, полемика неизбежна. Когда появится один, тогда надобности в ней не будет. За издание новой литературы и за раз'ездного агитатора. За вступление массовые беспартийные организации и residence в них идейной работы.

8) Ф. Л.—ук г. Санит Луис, Мо — Я—анархо - индивидуалист, но годы работал вместе с анархистами, в последние годы находился вне движения, а теперь опять нахожу очень важным и необходимым работать в движении. А потому я считаю, что теперь, как никогда небыло, нужно всем анархистам объединиться и сообща работать на благо будущего. По моему, и «Д. Т.» и «П.» далеко не выдержанные анархические органы печати. И было бы лучше вместо этих двух органов создать один новый, вокруг которого всем объединиться и работать.

9) Группа г. Бостон, Масс. — Наша группа распространяет и поддерживает «Д. Т.» и «П.». Мы за объединение, за один новый печатный орган и против разлагающей наши ряды полемики. Предлагаем Конференции избрать Редакционную Коллегию и приступить к изданию нового журнала на место выходящих. Пора приступить. Мы за участие в массовом движении и за полезную работу в колонии.

10) Группа «П.» г. Виндзор, Онт. (Канада). — Желательно было бы объединить все наши враждующие силы. В этом направлении работа уже начата. Нужно ее усилить. И окончательно изжить вражду. Тогда приступить к общей работе. В массовых организациях тоже нужно работать сообща. Когда вражда уляжется, обе стороны отвыкнут от грызни и самопожирания, тогда можно будет еще раз собраться и решить, как начать общую работу. Можно будет избрать с обеих сторон Редакционную Коллегию и начать издавать новый журнал вместо выходящих. Напишите в резолюции мнение всех групп.

11) От Д. Р.—вова из Кубы. — Я за объединение двух федераций и за один новый орган печати вместо «Д. Т.» и «П.». Будет один орган, меньше будет полемики и больше пользы для анархизма. Я—старый союзовец, изгнанный из США, знаю нужды колонии и острую потребность в идейном органе печати, который можно издавать только в Америке. Возьмемся дружно за общее дело!

12) Группа «П.» г. Детройта, Мич. — Мы не видим пользы объединения враждующих федераций. Раньше нужно изжить вражду, а потому говорить об объединении. «Пробуждение» всегда стремится выходить без полемики. Только изредка его вынуждают на это. Polemika — зло в нашем движении. Нужно это зло изжить... Устраним его из наших печатных органов и этим мы уже покажем, что мы—анархисты, способные творить, а не разрушать созданное.

Доклады делегатов с мест:

1) Группа «Д. Т.» гор. Нью Йорка. — Около двух лет наша группа устраивает совместно с группой «П.» лекции, доклады и предприятия. Вражда заметно изживается. Скоро совсем изживется. Общая работа способствует этому. А пока вражда в других городах не изжита, лучше временно издать «Д. Т.» и «П.», но без злобной полемики. Мы верим в будущее, в светлый анархический идеал. Верим, что вражда исчезнет и общая работа начнется для блага анархизма.

2) Кружок Друзей Свободы г. Нью Йорк. — К.Д.С. работает вместе с местной группой «Д. Т.» по устройству лекций, докладов и предприятий, собирает деньги на издание новой литературы и т. д. Кружок всегда был против полемики, считая ее вредной. Принимает живое участие в издании и распространении «П.», но стоит за объединение двух федераций в одну и за издание одного органа под новым названием. Время наступило объединиться. Пора подумать об этом всем анархистам.

ПРИМЕЧАНИЕ: Группа «Д. Т.» и «К. Д.С.» в Нью Йорке принимают горячее и

совместное участие в массовом движении и считают своим долгом работать в нем.

3) Группа «П.» г. Нуварка, Н. Дж. — Группа за объединение, за издание одного органа и совместную работу. Против полемики и вражды. За участие в массовых организациях и за анархическую работу.

4) Группа «Д. Т.» г. Филадельфия, Па. — Группа помогает издавать «Д. Т.», распространяет его и др. литературу. Стоит за объединение и издание одного органа. И регулярно раз в месяц. Приветствует совместную работу на благо анархизма. Против полемики, хотя она неизбежна при выпуске двух органов.

5) Группа «П.» г. Филадельфия, Па. — Устраиваем совместно с группой «Д. Т.» лекции, помогаем изданию «П.», участвуем в массовых организациях. Стоим за объединение, издание нового органа на место «Д. Т.» и «П.» и против полемики. Издавать новый журнал, орган объединенных федераций, может Редакционная Коллегия, избранная на Конференции.

6) Группа гор. Нью-Гевен, Конн. — Группа долго распространяла «П.» и «Д. Т.», считала оба журнала анархическими. После отказа «П.» напечатать нашу резолюцию, мы перестали распространять «П.». Группа содействует изданию новой литературы, устраивает доклады, участвует в беспартийных организациях. Стоит за объединение и издание одного журнала, против полемики и вражды в среде идейных товарищей.

7) Группа г. Ватербури, Конн. — Группа распространяет «П.» и «Д. Т.», устраивает доклады и стоит за слияние двух федераций и издание нового журнала, строго анархического органа без злобной полемики и ругани.

8) Группа г. Ньюбритен, Конн. — Распространяет «П.» и литературу, устраивает доклады и принимает участие в беспартийных и профессиональных организациях. Стоит за объединение и издание общими силами нового идейного журнала, который положит конец распри и ненужной полемике. Новый журнал должен выходить регулярно

и называться «Хлеб и Воля». Издавать его в Нью Йорке.

9) Группа г. Мерилен, Конн. — Группа распространяет «П.» и «Д. Т.», помогает издавать литературу, устраивает доклады. Стоит за слияние двух федераций и издание общими силами одного идейного органа без полемики и ругани. Работает в массовых организациях и верит в лучшее будущее.

После доклада комитета по созыву Конференции и обмена мнений по вопросу: «Нужно ли нам объединение двух федераций», Конференция приняла следующую резолюцию:

Принимая во внимание, что преобладающее большинство делегатов с мест и присланные письменные решения показали необходимость объединения двух федераций, — «Дело Труда» и «Пробуждение», — Конференция в принципе согласна объединиться. Но так как по вопросу о закрытии обоих журналов, органов этих федераций, значительная часть групп не пришла к общему соглашению, Конференция поэтому считает, что окончательное слияние двух федераций и ликвидацию их органов может произвести очередная конференция. А для этого Конференция настоятельно рекомендует и делотрудовцам и пробужденцам быть терпеливыми выдержанными к чужим мнениям, а также на местах сообщать содействовать тому, чтобы объединение и окончательное слияние указанных федераций сделать на будущей общей конференции или общем съезде, созванном для этой великой цели, — объединения.

Конференция рекомендует созвать общий съезд в ноябре месяце сего года. Для этого избран Комитет из семи лиц, которому Конференция поручает подготовить и созвать общий съезд.

Нужен ли нам один журнал вместо двух? — Конференция рекомендует издавать до общего съезда журналы попрежнему, но советует обеим сторонам не обострять общей работы, воздержаться от резкой полемики в журналах и разлагающей критики устно. Если все это будет соблюдено, объединение в ближайшем будущем со-

Стихи, мелкие заметки, сообщения

КО ВСЕМ АНАРХИЧЕСКИМ ГРУППАМ И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРИЩАМ.

В апреле месяце 1937 года исполняется 10 лет со времени выхода в свет анархического журнала «Пробуждение». Это событие огромной важности. Наша пресса знает мало примеров долголетнего издания анархических журналов, ибо большая часть таких журналов имела кратковременное существование. «Пробуждение» же выдержало долгий путь испытаний и борьбы и, несмотря на раздробленность анархических сил и тяжелые условия работы, неуклонно продолжает свою борьбу за анархический идеал.

В ознаменование этого события мы решили выпустить юбилейный номер журнала в увеличенном размере — в 150-200 страниц. Мы обращаемся, поэтому, ко всем прогрессивным организациям, группам, от-

стоит на благо идей анархо - коммунизма.

Вопрос о редакторе и редакционной коллегии снимается с очереди и Конференция выслушав доклад Комиссии, состоящей из нью-йоркских товарищей «Д. Т.» и «Кр. Др. Свободы», о начатой работе по изданию 2-го и 3-го томов книги Н. Махно «Русская революция на Украине», постановляет поддержать издание и чем поскорей закончить. Для сбора средств Комиссией вышущены подписные листы в разосланы во все группы США и Канады. Конференция просит заполнить подписные листы, вернуть их Комиссии с деньгами и помочь распространить указанные книги, когда выйдут из печати. Издание другой литературы Конференция решила отсрочить до выхода книг Н. Махно.

О раз'ездном агитаторе — Конференция, видя большую пользу в раз'ездных агитаторах и рекомендует всем товарищам на местах тесно работать и сообща использовать раз'ездных агитаторов. Это в интересах движения и пропаганды наших идей.

Секретарь Д. Г.

дельным товарищам и сотрудникам с просьбой прислать заблаговременно как пожертвования, так и приветствия и статьи, посвященные десятилетию журнала «Пробуждение».

С товарищеским приветом

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

— ** —

КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ

Товарищи!

Продолжение воспоминаний Н. Махно (квinti 2-я и 3-ья) сданы в печать. Интерес этих книг исключителен. Книга 2-я, озаглавленная «Под ударом контр - революции (апрель—июнь 1918 г.)», под редакцией, с предисловием и примечаниями тов. Волина, а также с несколькими фотографиями, может выйти в свет через месяц, если к тому времени будут собраны необходимые средства. Затем, еще через два месяца может выйти и 3-я, последняя книга: «Украинская революция» (июль—декабрь 1919 г.).

Поспешите с посылкой вашей лепты. Необходимо издать эти книги как можно скорее. Направляйте деньги по адресу:

ProbuZhdenie,

9219 Russell St.,

Detroit, Mich.

с указанием: «на издание воспоминаний Н. Махно».

Комиссия по изданию трудов Н. Махно.
Париж, апрель 1936 г.

— ** —

НОВЫЕ КНИГИ

Товарищи, желающие приобрести два ценных романа известного писателя Н. Ф. Наживина: 1) «Евангелие от Фомы», в 420* стр., с портретом автора. Цена 1 д. 10 сен., с пересылкой 1 д. 25 сен.

2) «Древние Письмена», в 286 страниц. Цена 1 дол., с пересылкой 1 дол. 15 сен. Убедительно просим всех обращаться в главный магазин «Пр. Суждения».

“ProbuZhdenie”,

9219 Russell Street,

Detroit, Mich.

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБУЖДЕНИЕ» от 8-го декабря 1935 г. по 1-е июня 1936 года.

ЗА «ПРОБУЖДЕНИЕ»	
Филадельфия, Г-па «Пробуждение»	17.70
Балтимор, О-во Самообразование	16.20
Нью Йорк, К. Д. Свободы	12.00
Виндзор, Р. С. Самообразование	11.60
Кливленд, С. Борков	5.00
Эмбридж, П. Руль	4.05
Гостон, С. Розуменко	3.60
Канада, И. Боксий	3.00
Нью Британ, Т. Родек	1.60
Бруклин, В. Войтович	3.00
Гери, Н. Гвай	1.05
Юнгстон, С. Медынич	0.75
Всего	79.65.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФОНД

Нью Йорк, К. Д. Свободы	10.00
Бренкс, Б. Гершенфельд	5.00
Левсинг, Н. Иванов	5.00
Нью Йорк Д. Горбачевич	4.00
Ниагара Фолс, Р. Маловичко	3.00
Либерти, Г. Сыч	3.00
Кортланд, И. Милешко	3.00
Джеспорт, Н. Демидович	3.00
Гери, Н. Гвай	2.30
Канада, Д. Мороз	2.25
Канада, А. Гризан	1.75
Канада, С. Званик	1.75
Юнгстон, С. Медынич	1.25
Гартфорд, М. Лавренук	1.00
Акрон, П. Бирюков	1.00
Филадельфия, И. Полюбанский	1.00

Всего .. **48.30**

ПО ПОДПИСНЫМ ЛИСТАМ

Филадельфия, через т. И. Полюбанского номер 28 — 7.50; Нью Йорк, через тов. Д. Горбачевича, номер 32 — 7.75; Нью Бритон, через тов. Т. Родека нам. 25—4.90

Всего **20.15**

.. ДЕТРОИТ

Профсоюз из кассы — 40.00; за «Пробуждение» — 23.90; за книги и календари—

20.50; П. Ковальчук — 3.35; П. Тарасенко — 2.00; Н. Дубровли — 1.00; М. Гейдер — 1.00. **Всего** 100.75.

Общий приход **248.85.**

РАСХОД:

Издание журнала 174.60
Почтовые расходы 49.23
Выслано т.т. М. Н. и С. П. 10.00
перевод статей 9.75
старого дефициту 76.52

Итого .. **320.10**

Остается еще дефициту 71.25

Уважаемые Товарищи!

Если вы желаете, чтобы ваш журнал выходил регулярно, то ваш долг и моральная обязанность раньше всего и прежде всего покрыть дефицит. Покрыть его можно только общими силами, если каждый пришлет свою лепту для этой цели.

Мы получили роман Ж. Грава «Свободная земля», где он рисует будущее свободное общество. Думаем его переводить и печатать в «Пробуждении», а для этого нужны деньги. Если г-ни хотят, чтобы этот роман был переведен и печатался в журнале, то пусть присылают свои добровольные пожертвования с указанием: на перевод романа «Свободная земля» Ж. Грава.

Комиссия:

И. Федоришин, В. Подоланин.

НОВЫЕ КНИГИ

Имеются для продажи ценные романы известного писателя И. Ф. Наживина:

«Древние письмена», «Недостроенный Храм», «Расцветший в ночи лотос», «Собачья Республика». Все эти книги с пересылкой — 1 дол. 10 сен., «Евангелие от Фомы» и «Неглубокужаемые» — по 1 д. 25 сен. с пересылкой.

Если вы будете выписывать все книги из магазина журнала «Пробуждение», то этим самым вы поддержите свой орган.

АРЕСТЫ И ВЫСЫЛКА АНАРХИСТОВ

Новомирский получил приговор 10 лет принудительных работ в концентрационном лагере, его жена — 6 лет. Никто не может добиться справки, куда они оба посланы.

Савдомирский, после окончания срока заключения в концентрационном лагере, послан в ссылку в Енисейск. Разрешение на работу ему до сих пор не дают.

Бармаш находится в тюрьме, он очень тяжело болен.

Аскарлов недавно вышел из госпиталя и тщетно просит о назначении места ссылки. Он очень ослабел и, если его пошлют на принудительные работы, их не перенесет.

Худолей в ссылке в Тобольске, болен и сидит без работы.

А. Боровой умер в ссылке.

В книжном складе Федерации Рабочих Союзов Безвластников есть много других книг и брошюр. Заказы направляйте по адресу: «Пробуждения».

**

- Д. ГИЛЬОМ — Карл Маркс и Интернационал 10 с.
- М. НЕТТЛАУ — Жизнь и деятельность М. Бакунина 10 с.
- Дж. БАРРЭТТ — Анархическая Революция 05 с.
- Д. ГИЛЬОМ — Интернационал 50 с.
- М. НЕТТЛАУ — Цели и методы анархизма 10 с.
- ПЕСНИ ТРУДА. — Сборник революционных песен и стихов 10 с.
- Э. ПУЖЕ — Основы синдикализма 15 с.
- П. РОВЭН, Ф. Ньюенгуис — Свободное трудовое воспитание 15 с.
- М. КОРН — Революционный синдикализм и анархизм 10 с.
- Н. ЛЕБЕДЕВ — Э. Рекаю, как человек, ученый и мыслитель 10 с.
- РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и анархизм. Доклады и заключения 1906 г. 10 с.
- Э. ГОЛЬДМАН — Анархизм 10 в.
- Е. ЯРЧУК — Кроуштадт в Русской Революции 15 с.

- М. БАКУНИН — Избранные Сочинения 25 с.
- М. БАКУНИН — Полное сочинение в 5 томах 2,50 с.
- Д. МАККАЙ — Анархисты 50 с.
- Л. ЧЕРНЫЙ — Ассоциационный анархизм 75 с.
- А. ГОРЕЛИК — Анархисты в Русской революции 10 с.
- В. ЭЙХЕНБАУМ (Волпи) — Стихотворения 60 с.
- П. КРОПОТКИН — Взаимная помощь, как фактор эволюции 25 с.
- Этика 75 с.
- Поля, фабрики и мастерские 75 с.
- Анархия 10 с.
- Государство, его роль в истории 10 с.
- Справедливость и нравственность 05 с.
- Н. РУБАКИН — Великий Инквизитор 25 с.

**

Нестор Махно

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ»

Н. Махно был одним из организаторов и активных участников повстанческого движения на Украине в последней русской революции. Его книга охватывает годы борьбы на Украине с марта 1917 года по апрель 1918 год. В ней отражена вся жизнь революционного народа в самый бурный период русской революции. Будучи участником этого интересного исторического движения, автор рассказывает, как это движение возникло, как оно организовалось, за что и как боролось. В книге 216 стр. Цена с пересылкой 65 сентов. Все заказы на книги убедительно просим направлять по адресу «Пробуждения»:

9219 Russell Street
Detroit, Mich.

На итальянском языке:

"Ladunata Dei Rejrattari"

Box 1, Sta. 18—Newark, N. J.

На еврейском языке:

"Freie Arbeiter Stimme"

45 W. 17th St., New York, N. Y.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

условия подписки:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, нашего содействия по распространению журнала, подписанию новых подписчиков, и об оказании ему такой моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него задачу распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.